

Шарлотта
Физерстоун

Одержимый

Что выберет герой? Искушающую
чувственность, зловещую гибельную
восточную экзотику, манящую в пучину
порочной страсти, или сдержанную
нежность лондонской леди?

Milady – Harlequin

Шарлотта Физерстоун

Одержимый

«Центрполиграф»

2009

Физерстоун Ш.

Одержимый / Ш. Физерстоун — «Центрполиграф»,
2009 — (Milady – Harlequin)

Что может быть лучше дружбы, которая выдержала испытание временем и разлукой? Только взаимная любовь, полная нежности и доверия! У Линдсея есть и то и другое – его избранницей стала Анаис, подруга детства, преданная возлюбленная, родственная душа. Кажется, никаких преград для их счастья не существует. Но то, что выглядит незыблемым, способно рухнуть в одно мгновение, если между влюбленными вдруг встанет она – таинственная искусительница, манящая Линдсея в пучину порочной страсти. Она бесплотна и легка, ее облик соткан из завесы дурмана, ее объятия сулят гибель. Одержимый ею, Линдсей не замечает ничего вокруг, даже того, что и у Анаис есть тайны, способные разом перечеркнуть взлелеянное годами чувство.

© Физерстоун Ш., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

Одержимый	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Шарлотта Физерстоун Одержимый

Джо и Оливии, которые многим пожертвовали ради того, чтобы моя мечта осуществилась. Я люблю вас больше, чем можно выразить словами, и благодарю за поддержку, понимание и сохранение безмятежного спокойствия в моменты, когда дом выглядел как после бомбежки, а остатки пиццы и хот-догов замораживались для следующего ужина. Клянусь, я вознагражу вас за все тяготы в Диснейленде!

А также моим сестрам, которые успешно пополняют ряды нерях.

Донне Дабл Ди, моей родственной душе, и Тинкеру. Жизель, чьи карие глаза всегда полны смеха и озорства. Линде, которая разделяет мой «литературно-бульварный» фетиш, и Ронде, стремительно становящейся еще одной фанаткой любовных романов – я ведь тебе говорила, каким пылким будет Эдвард! Эми, главной тихоне среди нас, чье хихиканье я слышу каждый раз, когда мы говорим о «мечах», и еще одной поклоннице Эдварда. И последней по счету, но не по важности, Джоанн, известной также как Дейзи, заводиле нашей компании. Что бы я делала без твоих аккуратных доработок? Спасибо за болтовню до четырех утра и наши хиханьки да хаханьки. Пожалуйста, знайте, что все вы – больше чем друзья, вы – семья, и я не могу представить себе, как могла бы приступить к работе без вашей поддержки. Изменение за изменением, вы вдохновляете меня, но, что более важно, вы заставляете меня смеяться – а разве не в этом заключается смысл жизни?

Одержимый

Опиум объединяет души курильщиков, полужающих вокруг одной лампы. Это купание в туманной атмосфере, слияние в одной постели под тяжелыми одеялами, истинное единение, которое никто не в силах разорвать. В каждом опиумном наркомане определенно живет несчастный или неудовлетворенный влюбленный.

Робер Деснос. Вино откупорено

Пролог

Раб. Приспешник. Одержимый. С уст моих предшественников срываются подобные эпитеты, но я предпочитаю думать о себе как о приверженце, преданном последователе и слуге моей чувственной любовницы.

Они твердят, что моя искушительница – воплощение зловещей, губительной красоты, и, возможно, в этих словах есть доля правды. Но, оказавшись в ее безрассудных объятиях, ничего зловещего в ней не чувствуешь. Ну как может быть злом она, купающая мое тело в тысяче экстазов? Как может быть кем-то еще, кроме лучезарной волшебницы, та, что возносит меня на никогда прежде не виданные высоты?

Нет, моя любовница многолика, но ее нельзя назвать демоном в женском обличье, суккубом, скрывающимся под легкой накидкой. Да, эта чародейка требует от меня многого, но я знаю, как расположить ее к себе, как холить и лелеять, заставляя ее темную плоть отвечать на ласки моих умелых рук. Она тает между моими пальцами, как женщина в сладостных муках оргазма.

Я согреваю ее, забочусь о ней, терпеливо жду, когда она окутает меня своими чувственными и мягкими объятиями.

Я боготворю ее.

Мои отношения с любовницей просты, незамысловаты. Я знаю, чего эта кудесница жаждет от меня, и в то же время она понимает и удовлетворяет мои потребности. Подобно каждой любовнице, она порой способна доводить чуть ли не до удушья, всегда желая большего, нуждаясь в большем. Но когда я прихожу к ней, она любит меня как никогда – и никто – прежде.

Все, чего хочет моя любовница, – это чтобы я возвращался к ней ночь за ночью, час за часом. И я действительно прихожу к ней снова и снова, стгорая от нетерпеливого ожидания. Она всегда приветствует мое возвращение, зазывно простирая руки, и вместе мы занимаемся самой сладостной, самой испорченной и развратной любовью – любовью, где двое становятся единым целым. Где я все больше увязваю в паутине ее чар, из которой никогда не хотел бы выбраться.

Сейчас моя любовница здесь, я осознаю это, когда вижу возвещающие ее приход серые струйки-пальцы, начинающие кружиться в водовороте и подниматься вверх с алтаря, который я приготовил для нее. Скоро она плавно запустит пальцы мне в волосы, лаская мое лицо и обволакивая мой рот своей будоражащей воспоминания красотой. Я почувствую ее опьяняющее благоухание на своем языке, глубоко вдохну и впущу в легкие ее сладко-горький аромат. Мое сознание затуманится, примется рассеянно блуждать и плавать. Я откинусь на свою красную бархатную подушку, одурманенный предвкушением, и стану наблюдать за окружающими меня парами, которые занимаются любовью. Я взираю на них как пассивный, безучастный вуайерист. Даже звуки и картины окружающей оргии не способны возбудить меня так сильно, как одна-единственная мысль о моей любовнице.

Пышные женские ягодицы, обнаженные и бледные, предстают передо мной. Груды любых размеров и оттенков пытаются подманить меня. Блестящие от влаги лона, готовые принять мужское естество, пробуют соблазнить, но я жду свою прекрасную даму – так, как только может ждать самый преданный поклонник.

Ожидание стоит того, ведь, когда я буду изрядно возбужден и разгорячен страстью, моя очаровательная любовница охватит меня своим огнем и доставит несказанное удовольствие своей умелой заботой. Купаться в ее внимании намного более приятно, чем наблюдать за прозрачными видениями обнаженных пар, корчащихся и переплетающихся передо мной. Пока они наслаждаются телами друг друга, я могу обрести радость и блаженство лишь в объятиях моей чаровницы.

Любовница восходит в тонкой пелене туманных завитков, словно Венера из раковины. Эта волшебница манит меня, и я позволяю ей брать верх, вступая во владение. Ее жадные руки окутывают мое тело, погружая разум в иступление оргазмических искушений.

Улыбаясь, я забываю обо всех этих легкодоступных женщинах вокруг. Я больше не слышу их стоны, звуки плоти, поражающей плоть. Я уже не вижу, как они неистово скачут на членах, откидывая волосы так, что те рассыпаются по плечам, и бросают на меня призывные взгляды, приглашающие присоединиться к их компании.

Вместо этого я откидываюсь назад и позволяю своей любовнице полностью окутывать меня до тех пор, пока не почувствую, как задыхаюсь в ее пьянящем аромате.

Скоро ее легкая эфирная дымка начнет улетучиваться и разрываться, будто ветви дерева на ветру, являя другую – женщину из плоти и крови, которую так желает мое тело. Женщину из плоти и крови, которую никогда не найдешь здесь, в этом притоне наслаждения.

Ради этого момента в объятиях моей любовницы я и живу. Власть, которую она имеет, вызывает в моем воображении самые смелые, сокровенные фантазии. Я попадаю в плен манящего очарования, достаточно лишь одного мимолетного взгляда на ту настоящую, существующую в реальности женщину, которую я так страстно жажду, женщину, которая владеет моим сердцем так давно, что я не могу видеть никого, кроме нее. Не могу желать никого – только одну ее.

Сквозь тяжелые веки я буду видеть свою плотскую, реальную возлюбленную, ее бледную кожу с легким кремовым оттенком, ее длинные золотистые волосы, блестящие, как кукурузные нити на солнце, ее саму, стоящую перед свечой и медной лампой. Через пелену тумана я наблюдаю, как она раздевается для меня, как ее груди показываются из платья. Не скованные тканью, они пышные и сочные, а бледно-розовые соски выступают, будто жемчужины, в ожидании, когда мои руки и губы доставят истинное наслаждение. Она двигается неспешно, словно нарочно продлевая мои мучения, медлит, прежде чем обнажить остальные свои восхитительные формы.

Но я терпеливо жду, позволяя бесплотной любовнице держать меня в своей власти до тех пор, пока ее красота не просочится сквозь меня извивающимися струйками дыма и не упадет к моим ногам.

Спутница из плоти и крови, мой ангел, всегда обнажена и всегда страстно желает меня. Настоящего меня. Мужчину, которым я являюсь. Ее не смущает, что моя бестелесная любовница наблюдает за нами со стороны, нашептывает что-то мне на ухо.

Это удивительное единение всегда сродни браку, отношениям супругов. Воздушная любовница каждый раз вторгается между той, что способна тешить мою плоть, и мной самим. Но в этом мире красного дыма и мечтаний те двое, что приводят меня в упоение, гармонично существуют бок о бок. Между ними нет ни гнева, ни злобы. Нет даже малейшей вспышки ревности, борьбы за мое внимание. И никаких требований, чтобы я бросил одну ради другой.

Потому что я не смог бы этого сделать. Обе необходимы мне, как дыхание.

Одна владеет моим разумом и моей силой, другая – моими сердцем, душой и телом.

Одна знает меня как мужчину, аристократа, жизнь которого окутана тайной.

Другой известно, кто я есть на самом деле. Опиумный наркоман.

Раб. Приспешник. Одержимый. Прекрасно представляю, кто я. Но предпочитаю думать о себе как о последователе. Гораздо приятнее верить тому, что дорога, по которой я иду, основана на глубокой привязанности и вере, а не на цепях рабства.

Глава 1

Бьюдли, Вустершир, Англия

1850 г.

– Ну-ка, пора раскачиваться, милорд!

Сердитый голос камердинера прорвался сквозь опутавший его мозг густой туман, нарушая безмятежную дремоту и остаточное действие красного дыма.

– Оставь, Вэлери, – простонал Линдсей.

Слуга, самый исполнительный из всех лакеев на свете, закричал под весом Линдсея, когда стянул того с парчового дивана.

– В любое другое время я подчинился бы вам, милорд, но лорд Дарнби и его девчонки будут здесь через час, и мне нужно как можно быстрее избавиться от последствий сегодняшней невоздержанности.

Линдсей почувствовал, как его руку перебросили вокруг толстой шеи Вэлери. Голова непутевого хозяина немного свесилась, и эта легкая встряска заставила его открыть глаза. Линдсей находился в своем логове удовольствий, следы вакханалии прошлой ночи все еще окружали его.

С помощью твердой руки камердинера и нескольких морганий своих горящих глаз Линдсей медленно приходил в себя, приспосабливаясь к окружающему миру. Бросив взгляд в сторону окон, он увидел, что небо было не ярким, не освещенным солнцем, а темным, цвета сумерек. Черт возьми, который же сейчас час?

– Уже около семи, милорд, – поспешил известить Вэлери, заметивший, как озадаченный взор Линдсея сосредоточился на темнеющих небесах. – Вы проспали весь день. Теперь самое время привести себя в порядок.

Да, ванна и бритье вернули бы его к жизни. Как, впрочем, и всегда.

– Тогда как, вы искупаетесь в минеральных водах или желаете, чтобы я тайком провел вас в ваши апартаменты по черной лестнице?

– Значит, моя мать где-то поблизости?

Взор Линдсея резко сфокусировался на грубой наружности камердинера. Вэлери не был каким-то там изнеженным французом, который кудахтал бы над своим господином и его одеждой. Именно нестандартные происхождение и воспитание Вэлери заставили Линдсея превратить его в самого приближенного слугу, пользующегося особым доверием. Больше всего Линдсей ценил непоколебимую преданность Вэлери, а не замысловатые изгибы его накрахмаленного шейного платка.

– Разве захотел бы я тащиться вверх по той шаткой старой лестнице, да еще и волоча вас, если бы маркиза не оказалась рядом, оживленно порхая, как птичка по веткам? – проворчал Вэлери.

Линдсей тихо рассмеялся и снял свою руку с шеи камердинера. Теперь вчерашний кутила был трезв, как монах, хотя по выражению пристального взгляда Вэлери мог сказать, что его облик все еще хранил на себе налет распущенности.

– Моя мать наверняка квохчет сейчас о том о сем, как наседка. Обычно она так и делает в ожидании приезда гостей.

– Думаю, вам интересно будет узнать о том, что герцог Торрингтонский уже прибыл.

– А Уоллингфорд?

– Пока нет, милорд.

Пренебрежительно фыркнув, Линдсей стянул уже развязанный платок со своей шеи.

– Я не удивлен. Уоллингфорд принес торжественную клятву никогда не появляться в обществе своего отца. И с какой стати сегодня его настрой должен был бы измениться?

Камердинер ничего не ответил, поскольку Линдсей продолжал стаскивать с себя одежду. Как всякий сознательный слуга, коим Вэлери, безусловно, и был, он подбирал помятые предметы облачения, аккуратно вешая их на руку.

– Так что же, примете ванну, не так ли?

Кивнув, Линдсей набросил свои брюки на руку Вэлери и направился к минеральной ванне. Он ступил в горячую воду, позволив ей поглотить свое тело и пропитать мышцы. Со вздохом Линдсей поднял взгляд к арочному потолку над головой, потом опустил глаза вниз, на воду, которая булькала вокруг него. Горячий минеральный источник бежал под домом, позволяя его жителям наслаждаться этой маленькой роскошью. Естественно, Линдсей спроектировал свое логово наслаждений вокруг ванн, и теперь все здесь напоминало ближневосточный хаммам. Это было нечто сошедшее прямо со страниц «Тысячи и одной ночи». Единственное, чего тут явно недоставало, – это присутствия прелестной одалиски.

Линдсей улыбнулся своим мыслям. Он точно знал, кого хотел бы видеть в этой особенной роли. Она собиралась приехать к нему домой сегодня вечером. Страстное желание уже бурлило в венах. В конце концов, Линдсей слишком долго себе отказывал. Настала пора – в сущности, подходящее время для этого пришло уже давным-давно, – чтобы понять, желает ли его эта леди с той же самой страстью.

– Сегодня вечером вам нужно прийти в себя как можно быстрее, – вещал Вэлери над плечом своего господина. – Вы ведь не хотите, чтобы ваша обожаемая леди Анаис видела вас в таком состоянии.

Линдсей закрыл глаза, почувствовав в груди укол острой боли. Нет, ее имя не должно быть запятнано упоминанием о его пороке! Как все-таки хорошо Вэлери знает хозяина: Линдсей ни за что не допустил бы, чтобы Анаис узнала, как он балуется опиумом. Анаис не поняла бы этой пагубной привычки.

– Твои стрелы всегда попадают в цель, Вэлери.

– Я выпускаю их для того, чтобы только ранить, милорд. И никогда – чтобы убить.

– И тебе это удастся, они действительно ранят.

Линдсей знал, о чем думал Вэлери, но его камердинер ошибался. Линдсей мог остановиться. Он не был за конченным наркоманом, не представляющим своего существования без одурманивающего зелья. Он мог остановиться, он обязательно сделал бы это. Как только Линдсей заполучил бы Анаис – в свою жизнь и свою постель, – он без труда отказался бы от опиума навсегда.

Линдсей окунулся и ушел под воду, не желая больше наблюдать, как верный слуга взирает на него с выражением лица, обычно означающим крайнюю степень беспокойства. Вынырнув, Линдсей смахнул воду с глаз, потрянул своей выющейся гривой, избавляясь от избытка влаги, и с усилием вытянул себя из ванной. Вэлери уже предупредительно стоял рядом, протягивая черный халат.

– Я хотел сказать вам прошлой ночью, перед вашим... расслаблением, – неловко произнес Вэлери, опустив глаза на замысловатое, искусно отделанное одеяние, – насколько я благодарен вам за то, что позволили мне участвовать в той продаже акций. Я заработал кучу денег, а если бы вы не разместили за меня предложение, мне не разрешили бы даже появиться на бирже.

Линдсей похлопал своего многострадального камердинера по плечу:

– Мы оба сорвали куш, друг мой. Кроме того, знаниями стоит делиться всем людям – представителям всех классов. Сейчас ты скептически хмуришься, Вэлери, но, помани мое слово, через двадцать с лишним лет ты увидишь, как средние классы займут место аристократии. Подобно динозаврам, выставленным в Британском музее, однажды аристократия ослабнет и вымрет.

– Как скажете, милорд.

– Ты сомневаешься в моих словах, но я верю в то, что говорю.

– Эти мысли доведут до того, что вас вышвырнут из парламента, как только вы займете там свое место.

– Многие придерживаются подобных взглядов, Вэлери. Довольно большая группа людей мыслит точно так же, как я.

– Это все университет, там вы нахватались этих идей, когда были юны и настроены идеалистически. Каждый молодой человек в таком возрасте хочет изменить мир. И все думают, что могут сделать это. Но потом перестают замечать реальное положение дел и решают, что привилегия их рождения гораздо важнее борьбы за все эти несчастные жизни тех, чье происхождение ниже.

– Пустословие и праздность. Именно в этом ты всегда обвиняешь мой класс.

– Я не собирался намекать, что вы всегда ленивы, милорд.

Линдсей взял полотенце, которое Вэлери протягивал ему, и принялся сушить волосы.

– Но ты действительно считаешь, что мое состояние можно потратить с большей пользой, чем спустить в притоне курильщиков опиума.

– Вы, как известно, пропадаете там днями напролет, милорд.

– Позволь мне самому волноваться об этом. Лучше обеспокойся тем, что я сказал. Мир меняется, Вэлери. Медленно, но верно. Я знаю, что он может измениться. Я знаю, что он обязательно изменится.

– Богачи будут по-прежнему владеть своими состояниями, а неимущие продолжат нуждаться. Таков порядок вещей. Основа нашей империи.

– Я так и вижу крах уклада наших аристократических предков. Наши огромные поместья больше не могут процветать и по-прежнему существовать на спинах рабочих. Со временем, Вэлери, мы, аристократы, тоже будем работать.

– Вы уже занимаетесь этим, милорд. Вы делаете деньги, это ваше призвание, ваша занятость на полный рабочий день.

Линдсей усмехнулся:

– У меня есть определенная сноровка по этой части, признаю. Но по-настоящему захватывающей я нахожу возможность обучать других тому, как удвоить, утроить свой доход.

– У вас сердце купца, копящего богатства и экономящего деньги, разум торговца, который просчитывает каждый свой шаг. Простите мне то, что я говорю, милорд, но вы не похожи ни на одного из аристократов, которых я когда-либо встречал.

– И именно поэтому ты ухватился за шанс стать моим камердинером, как только дни твоей военной службы были сочтены.

Неразговорчивый Вэлери закатил глаза. Линдсей бросил в него влажное полотенце.

– Ты можешь обвинять меня во многих вещах, но только не в том, что я утаиваю свои познания от среднестатистического человека. Люди низших сословий тоже заслуживают шанса. Я лишь должен проследить, что они этот шанс получают. Почему только представителям голубой крови должна даваться возможность увеличить их состояние? Мы рождаемся богатыми, а нетитулованные люди – нет. Им необходим шанс изменить жизнь к лучшему.

– Вы – хороший человек, милорд. Интересно, когда же вы сами это поймете? Вы – не ваш отец и, вероятно, никогда не станете таким, как он.

Линдсей состроил гримасу:

– Боже праведный, Вэлери, не утомляй меня сейчас всей этой сентиментальной чепухой! У меня на нее аллергия. Я предпочел бы, чтобы ты звал меня раздолбаем, что вполне подходит моему поведению, а не разыгрывал тут мелодраму! Я снова и снова твержу тебе, что я – любитель. Дилетант, если тебе угодно. Я – не какой-то там наркоман, заядлый обитатель притона!

– Конечно, милорд.

Линдсей знал, что Вэлери лжет. Прекрасно понимал, что его слуга тревожится. Но не было ничего, о чем стоило бы так волноваться, потому что Линдсей мог отбросить свою курительную трубку всякий раз, когда понимал, что достаточно. У него не было пристрастия к наркотику.

– Я всегда был доступен для общения с тобой, Вэлери. Бог знает, что тебе пришлось вытерпеть из-за моих проделок со времен Кембриджа! Меньшее, чем я могу отблагодарить тебя, – это обеспечить благополучную, состоятельную жизнь после того, как ты отойдешь от дел.

– Нельзя отрицать то мастерство, с которым вы играете на Лондонской фондовой бирже. И вы определенно спасли это имение от разрушения, – пробормотал Вэлери, оглядывая окружавшую их помпезную мавританскую архитектуру.

– Мой отец погряз в пьянстве на долгие-долгие годы. На протяжении многих десятилетий он не управлял этим поместьем надлежащим образом.

– Надеюсь, он понимает, кому обязан нынешним благосостоянием.

Линдсей рассмеялся, завязывая пояс вокруг талии:

– Мой отец слишком занят выпивкой и хождением по проституткам, чтобы заметить то, что происходит вокруг него. Черт побери, стены могли чуть ли не рушиться над нашими головами, а он был слишком пьян, чтобы обратить на это внимание или озаботиться этим! Нет, моего отца волнуют лишь его гончие и его выпивка, а моя мать и ее удобства ускользнули от сознания непутевого родителя еще много лет назад.

Проведя двумя пальцами по подбородку, Линдсей почувствовал щетину, отросшую с прошлой ночи. Он нагнулся и посмотрел на свое затененное отражение в зеркале.

– Как ты думаешь, слишком зарос?

– Думаю, вы отпугнете всех леди, милорд.

– В самом деле?

Линдсей сомневался, что Анаис отпугнет легкая небритость. Только не ее. Она не была глупышкой. Возможно, ей бы это даже понравилось. Он усмехнулся, снова пробегаая пальцами по щетине. Может быть, Анаис захотелось бы узнать о преимуществах небольшой растительности на лице. С подходящим наставником Анаис могла бы весьма горячо приветствовать подобные уроки.

Конечно, она наслаждалась бы, ощущая, как щетина на его подбородке царапает ее мягкие, сочные бедра. Он точно знал, что Анаис получила бы истинное удовольствие.

– Я не в том положении, чтобы спорить с вами, милорд...

– Разве это когда-либо тебя останавливало? – прервал его Линдсей, потом уселся на стул и откинул голову назад, приготовившись к бритью.

– Вы действительно позволяете мне самые неслыханные из свобод, милорд.

– Ну да, можно сказать, я – человек эпохи Возрождения. И я продолжаю твердить тебе об этом, Вэлери.

– А я продолжаю повторять вам: не представляю, что это значит.

Линдсей увидел, как камердинер вытащил серебристое лезвие и прополоскал его в воде, налитой в синюю керамическую миску.

– Это значит, что я довольно либерален, мой образ мышления нов и, возможно, немного отдает неконформизмом.

Проворчав что-то себе под нос, Вэлери поднес лезвие к горлу Линдсея.

– Сейчас я хочу узнать у вас лишь одно, милорд: желаете ли вы надеть сегодня вечером синий пиджак и жилет цвета слоновой кости?

Линдсей почти мог слышать, как камердинер закончил свой вопрос ехидным: «...знаете, те самые, новые, которые вы приберегли как раз для такого подходящего случая».

– Ты, должно быть, нашел коробочку, которую я спрятал в кармане жилета.

Вэлери вспыхнул:

– Я и в самом деле видел ее, милорд.

– И что ты об этом думаешь?

– Думаю, вам следует постоянно поддерживать леди за руку, чтобы ей не было так тяжело носить это украшение. Мне еще не приходилось видеть такого большого драгоценного камня.

Линдсей улыбнулся:

– Мне доставили его прямо из Индии. Стоил мне целое состояние, но какое это имеет значение, если взамен я получу привилегию каждый день наблюдать этот камень на ее пальце? Я рассматриваю драгоценность как что-то вроде своего клейма, Вэлери. Надеюсь, это кольцо позволит мне красноречиво заявить о своих правах на нее.

– Полагаю, ни одна женщина не возражала бы против того, чтобы оказаться заклеянной с помощью подобной безделушки, милорд.

Линдсей довольно засмеялся. Бриллиант был очень большим, но не чрезмерно броским, аляповатым. Линдсей надеялся, что камень выразит преданность и вечную любовь, а не жадную похоть.

– Как ты считаешь, Вэлери, сегодняшний вечер будет подходящим моментом для того, чтобы сделать ей предложение?

– Не смею советовать вам, милорд.

Линдсей снова засмеялся. Черт возьми, его властный, обожающий командовать камердинер только и делал, что давал советы! Не далее как накануне вечером он посмел заявить, что хозяину хватит баловаться красным дымом. В ответ раздраженный господин назло слуге выпустил еще одно облако дурмана.

Когда с бритьем было покончено, Линдсей поднялся и добрел до дивана, где Вэлери разложил нарядную вечернюю одежду. Новый синий пиджак и парчовый жилет цвета слоновой кости были уже готовы. Линдсей спросил себя, оказался ли его камердинер достаточно любезен для того, чтобы положить коричневую коробочку с изумруд но-бриллиантовым кольцом обратно в карман.

– Вы выглядите таким довольным, словно кот, который только что съел канарейку, – пробормотал Вэлери, приводя в порядок принадлежности для бритья.

– Это очевидно, не так ли? И как я могу скрыть свое настроение? – риторически спросил Линдсей. – Я собираюсь сделать предложение самой красивой женщине на свете.

– Какое облегчение! – язвительно заметил камердинер. – Отныне мне больше не придется выслушивать ваше слащавое нытье об этой девушке! Это противостоит природе – то, как вы томитесь от любви к ней.

– Нет, – прошептал Линдсей, и образ Анаис предстал перед его мысленным взором. – Это самая естественная вещь в мире – любить ее, как я, с такой силой!

– Что ж, вам лучше поскорее покинуть свое порочное логово наслаждений и направиться в гостиную вашей матери. Вы опаздываете.

Линдсей спешно оделся и оставил свой притон, в котором одно время располагалась оранжерея его матери, давно заброшенная и полуразрушенная. Когда Линдсей получил прибыль от своих деловых инвестиций, он забрал это помещение, это разваливающееся чудовище себе и даровал ему спасение. Спроектированные подобно Альгамбре в Испании, эти апартаменты были верхом декаданса. С явным влиянием мавританского стиля, с этой горячей минеральной ванной казалось, что в комнате сосредоточен весь мир. Это было то спасение, которого в конечном счете так жаждал Линдсей.

Он воспринимал это место как свой гарем. И декорировал логово удовольствий соответствующе.

– А, наконец-то он здесь! – воскликнул отец Линдсея, маркиз Уэзербийский, который, судя по невнятному голосу, уже успел затуманить сознание горячительным.

– Добрый вечер, сэр. – Линдсей кивнул в сторону отца, потом потянулся к одетой в перчатку руке матери. – Мама, сегодня вечером ты выглядишь восхитительно!

Пристальный взгляд маркизы пробежал по сыну, критически оценивая его внешний вид. Линдсей знал, что зацепиться ее взору просто не за что. Она увидит перед собой лишь почтительного и любящего сына, целующего ее руку. Все отпечатки, все следы присутствия одурманивающей любовницы были смыты с его тела. Линдсей был чист. Надолго ли, он не знал. Это не имело значения, ведь сегодня вечером он думал вовсе не о ней, бесплотной, и даже не представлял, когда ему снова потребуются ее услуги.

Линдсей быстро поприветствовал гостей, все время сопротивляясь настойчивому желанию разыскать Анаис. Он обожал эту сладостную игру – намеренно оттягивать момент встречи, чтобы понять, как долго сможет выдержать, не видя ее.

Тело Линдсея было теперь напряженным, будто стянутым в узел. Во рту пересохло от многочисленных разговоров. Глаза жадно искали ее зрелые сочные формы, ее прелестное личико. Гости званого вечера, словно узнав об острой потребности Линдсея, расступились, явив Анаис, – она стояла у камина, беседуя со своей младшей сестрой.

Анаис, должно быть, почувствовала этот горящий откровенный взгляд, потому что вдруг перестала говорить и обернулась, чтобы посмотреть на Линдсея. Ее улыбка достигла самых глубин его сердца, поразив все внутри, словно мощный порыв, словно первая глубокая затяжка опиума.

Если будущее человека действительно предопределено – если его участь известна еще с утробы матери, – то сейчас Линдсей смотрел на женщину, которой суждено стать его судьбой, женщину, которая была создана исключительно для него.

Он всегда знал, что однажды Анаис будет принадлежать ему. Она должна стать большим, чем просто его подругой. Он всегда верил в это, но никогда прежде так сильно, как в этот момент, когда их взгляды встретились, а тела остро ощутили присутствие друг друга.

При взгляде на Анаис у Линдсея неизменно перехватывало дыхание. Они дружили всегда, с самого раннего детства, но его симпатия больше не была целомудренной, платонической. Нет, его чувства и желания казались горячими, пылкими. Страстными. Эротическими. И благоуханные грезы, которые владели Линдсеем прошлой ночью, были самими чувственными, чем когда бы то ни было. Все эти вещи, которые она позволила ему с собой делать...

Когда-нибудь все это будет не просто мечтами и фантазиями.

– Добрый вечер, Линдсей.

Нежный голос Анаис омыл, будто мягкой лаской, и он ощутил нарастающее возбуждение. Как же трудно было скрывать свои чувства от нее! Он сомневался, что сможет таить их в душе еще дольше.

Рука Анаис, обтянутая перчаткой, так спокойно, так уютно лежала на ладони Линдсея, когда он поднес ее пальцы к своим губам... Глаза Анаис, эти прекрасные, чарующие озера, завладели вниманием Линдсея, пока наблюдали, как его губы медленно опустились к кончикам ее пальцев. Он на мгновение задержался, вдыхая аромат духов Анаис, глядя, как поднимаются и падают ее груди в тесном корсаже. Она качнулась на месте, легонько, совсем чуть-чуть, и облако стойкого парфюма поднялось вверх, окутывая его.

Анаис надушила свои груди французскими духами, которые купил для нее Линдсей.

Страстное желание охватило его, заставив забыть обо всем, кроме жизненной необходимости быть рядом с этой женщиной. Линдсей закрыл глаза и вдохнул пьянящий аромат. В своем воображении он мог видеть золотистую струйку духов, плавно текущую по расселине между ее грудями. Его взор сосредоточился на хрустальной, с насечкой, пробке от бутылки в руке Анаис, которой она задумчиво провела вдоль ложбинки между грудями. Однажды, поклялся себе Линдсей, он будет лежать, небрежно развалившись, на их постели, смятой после неистовых любовных ласк, и наблюдать, как Анаис приводит себя в порядок. Когда-нибудь он

подойдет и встанет позади нее, возьмет пробку из ее руки и будет водить этой хрустальной вещицей по ее грудям. В один прекрасный день Анаис посмотрит в зеркало и увидит его стоящего там, с горящими желанием глазами.

– Линдсей?

Его веки медленно открылись, и перед взором предстала она. Анаис наклонила голову, ее сочные губы манили, готовые отдаться на растерзание его жадному рту. Это было настоящее, в высшей степени возбуждающее искушение – представлять, как он стягивает с рук Анаис маленькие пышные рукавчики платья, обнажая ее. Линдсей знал, что под вечерним нарядом Анаис был надет корсет, но в его мечтах она представляла обнаженной, бесстыдно голой для его глаз и рук.

Взгляд Линдсея скользнул по лицу Анаис, самому прекрасному для него на всем белом свете, потом вниз по ее шее, которой он так желал коснуться губами, и еще ниже, к точке ее пульса, трепетавшего, как крылья бабочки. Каждый дюйм Анаис был таким сладким, словно конфета из кондитерской. И видит Бог, он сгорал от желания попробовать ее на вкус.

– Добрый вечер, мой ангел, – промолвил Линдсей, все еще склонившись над ее рукой. – Ты выглядишь восхитительно, впрочем, как и всегда.

– А вы все упражняетесь в лестии, милорд, – отозвалась Анаис с легким смешком, который прозвучал слишком резко, пронзительно. Нервно? Возбужденно? Ее смех казался неестественным. – Леди в Лондоне должны в обморок падать от вашего мастерства, сэръ.

– Не знаю. Я не расточаю комплиментов другим леди, только вам, Анаис.

Глаза дамы сердца поведали Линдсею, что она сомневается в его искренности.

– Это правда, – прошептал он на ухо Анаис.

Внезапное соприкосновение их тел явно рассердило ее. Ах, Линдсей совсем забылся, упустил из виду, где находится! Не принял во внимание, что в сознании Анаис они оставались лишь друзьями – не возлюбленными.

И все же в воображении Линдсея они были любовниками на протяжении многих лет. Находясь в плену своих чувственных фантазий, он прекрасно знал каждую частичку ее соблазнительного тела. Да и какой мужчина не мечтал бы о такой женщине, как Анаис? Накрыв ее, пухленькую и женственную, своим телом, Линдсей чувствовал бы себя чертовски хорошо, когда ее длинные светлые, с золотистым отливом волосы рассыпались бы по его торсу. Этот неутомимый любовник ощутил бы мягкость груди Анаис, крупных и упругих, они манили бы, искушая попробовать их вкус, поиграть с ними, – это чарующее действие увлекло бы его на долгие часы. Ее бюст, который всегда так элегантно, но в то же время аппетитно выглядывал из платьев, ни на мгновение не переставал завладевать не только его вниманием, но и воображением. Черт, не было ни одной частички тела Анаис, которая не соблазняла бы Линдсея! Он жаждал обхватить ее бедра руками и крепко прижать к своему тазу, подавляя, пробиваясь внутрь... Он хотел чувствовать, как мягкий живот Анаис умеряет атаки его члена, желал стиснуть ладонями ее крепкие ягодицы и неистово мять их, прорываясь языком между ее нежными губами. Он сгорал от желания раздеть Анаис и неторопливо изучить ее тело, державшее его в плену так много лет.

Линдсей знал, что его руки благоговели бы перед изгибами этого тела и он потерялся бы в этих прекрасных голубых глазах, так напоминавших ясное небо... Ее застенчивая улыбка была бы послана Линдсею на погибель – как, впрочем, и всегда.

Анаис была создана для любви, для того, чтобы наслаждаться всевозможными проделками в постели. С Анаис Линдсей не чувствовал бы себя так, словно в любой момент причинит ей боль, разобьет ей сердце. Он не стал бы обходиться с ней как с хрупким цветком, о нет! Напротив, он мог бы часами наслаждаться ее пышным, в самом соку телом.

Но больше, чем телом Анаис, Линдсей жаждал обладать ее сердцем, той частичкой ее, которую она так тщательно оберегала. Он хотел, чтобы Анаис воспринимала его не просто как

друга – как возлюбленного, мужчину, которому можно довериться. Он желал Анаис всю – ее тело, ее острый ум и дружбу, на которую он всегда полагался.

Но разумеется, глядя на женщину своей жизни сегодня вечером, Линдсей думал отнюдь не о дружбе. Декольте Анаис, изящная линия ее шеи, по которой порхают его губы, – эта соблазнительная картина внезапно ворвалась в сознание, заполнив все мысли.

Когда-нибудь – Линдсей знал это наверняка – он увидит Анаис обнаженной, и это зрелище будет в сто раз более возбуждающим, чем в его грезах.

– Полагаю, прозвучал звонок к ужину, – громко объявила его мать, перекрывая гул голосов, наполнивших гостиную.

– Ты позволишь? – Линдсей протянул руку Анаис.

Ее кисть легонько скользнула, обвившись вокруг предплечья спутника, и прижалась к нему. Тело Линдсея томительно напряглось, стоило только почувствовать очертания ее бедер рядом со своими. Ах, если бы он мог сейчас схватить Анаис, притащить в свое тайное логово и признаться ей во всем! Увы, пока ему стоило прикидываться паинькой и быть джентльменом.

– Ты выглядишь как-то странно, сам на себя не похож, – промолвила Анаис, подняв на Линдсея глаза.

– О, неужели?

Она кивнула, и вьющаяся прядь светло-золотых волос выскочила из шпильки, плавно опустившись на вершину ее груди, которая откровенно выглядывала из глубоко вырезанного корсажа. Помогите Линдсею Боже, если этот непокорный локон пролежит там на протяжении всего вечера! Он никак не мог оторвать взгляд от завитка и прогнать настойчиво маячившую перед мысленным взором сцену – как он откидывает эту прядь в сторону своими губами.

– Не могу сказать точно, что не так. Ты просто кажешься... другим. Это видно по твоим глазам.

Пыл. Неукротимое желание. Страсть. Линдсей знал, что выражали его глаза. И не мог скрыть своих чувств.

– Линдсей, с тобой все в порядке? Ты никогда прежде не вел себя так странно, как с того момента, как вернулся из Лондона две недели назад.

Да, он был совершенно серьезен, поглощен своими мыслями. Ему нужна была только она – Линдсей был одержим этой идеей.

– Приходи на встречу со мной сегодня вечером, Анаис. К конюшне.

Она подняла голову и склонила ее набок, задумчиво изучая Линдсея, и его вдруг охватил неудержимый порыв бежать куда глаза глядят от ужаса и стыда. А что, если Анаис видела в глазах Линдсея не отражение его любовных чувств, а что-то еще? Другую сторону его самого, ту, что он так старательно скрывал от мира?

– Я беспокоюсь о тебе.

Линдсей улыбнулся и сжал пальцы Анаис:

– В этом нет необходимости. Сейчас, после десерта, скажи своей матери, что собираешься прогуляться верхом. Мы поскачем в лес, и я, возможно, даже позволю тебе опередить меня.

Анаис засмеялась в ответ, ее глаза засверкали.

– О, как жестоко ты обманываешься! Потому что я собираюсь сурово наказать тебя. Подожди немного, и ты еще увидишь!

Видит Бог, Линдсей только об этом и думал, пока вел Анаис в столовую. Впрочем, у проказника было такое чувство, будто они, размышляя о суровом наказании, имели в виду совершенно разные вещи.

Что-то явно назревало. Анаис искоса посмотрела на сидевшего справа от нее Линдсея. Этим вечером от него исходила дикая, прямо-таки неистовая энергия – Анаис никогда прежде не видела своего давнего друга в таком состоянии.

Что бы ни было причиной странного поведения сегодняшним вечером, это, очевидно, беспокоило его в течение последних двух недель. Все это время Линдсей был просто сам не свой.

Возможно, его свела с ума необычайно привлекательная леди Мэри Грантворт. Красавица Мэри, сидевшая за столом прямо напротив, слишком явно задерживала на Линдсее взгляд. А еще она занимала его беседой большую часть ужина.

Ну какой мужчина не потерял бы голову в присутствии Мэри, глядя на эти фиалковые глаза и гибкую фигуру? Отменную стройную фигуру, так не похожую на ее собственное пышное тело...

Интересно, Линдсей действительно предпочитает маленькие дерзкие груди и узкие бедра? Если так, у Анаис нет ни малейшей надежды, ведь природа наделила ее слишком крупным бюстом и широкими бедрами. Ее тело было мягким, с округлыми формами. Анаис твердила себе, что относится к тому типу женщин, с которыми мужчины хотят заниматься любовью. Но возможно, она заблуждалась, считая, что мужчины страстно желают именно этого.

Анаис ничего не могла поделать с тем, какой уродилась. У нее всегда была большая грудь, даже в совсем юные годы. Она приняла саму себя, смирилась с пышным телом, а с годами даже стала восхищаться своей грудью в глубоком вырезе корсажа и выпуклостью своих бедер, берущей начало от талии, которая плавно очерчивалась и делала фигуру похожей на песочные часы. Прошла целая вечность с тех пор, как Анаис жаждала изменить свое тело. Ее это уже не беспокоило – до сегодняшнего вечера. До того момента, пока не увидела ту, которую считала своей соперницей, сидящую напротив за столом и самодовольно смотрящую на нее. Мэри была красивой, тоненькой, одетой по последней моде. Что же касается Анаис, то она, хотя и казалась довольно привлекательной со своими длинными светлыми вьющимися волосами, не выглядела ни худой, ни модной. Последним обстоятельством Анаис была обязана матери, убежденной в том, что тело с пышными формами лучше «упаковывать» в простую, неприметную одежду.

Любопытно, а что думает сам Линдсей? Что искушает его – маленькие груди Мэри, торчащие над ее лифом, словно два твердых яблока? Или грудь Анаис, мягкая, теплая, манящая из глубокого выреза безупречной персиковой кожей, которую ее обладательница так тщательно надушила?

Какую женщину Линдсей жаждал чувствовать под собой? В мечтах Анаис он всегда страстно желал только ее, одну ее. Но теперь, сидя напротив прекрасной Мэри, она не была в этом так уверена.

– Ты хмуришься, – вдруг прошептал Линдсей, заставив Анаис вздрогнуть от неожиданности.

– Просто задумалась, – ответила она, стараясь не смотреть на соседа по столу. Его лицо было так близко... Анаис могла чувствовать дыхание Линдсея, нежно ласкающее ее шею. Она не смела взглянуть в это прекрасное лицо – боялась выдать чувства, владевшие ею.

– Неужели твои мысли настолько неприятны?

О да! А какими еще могли быть мысли о воссоединении прекрасной Мэри и Линдсея? Не оставалось ни малейших сомнений в том, что Мэри Грантворт жаждет Линдсея и речь идет о большем, чем просто охота за его титулом.

Сама Анаис всегда хотела только Линдсея, одного Линдсея. И плевать на его проклятый титул! Она страстно желала этого человека. Своего друга детства, выросшего в сильного мужчину, отличающегося хорошей репутацией и интеллектом. Мужчину, который не был легкомысленным бездельником, только и ждущим, когда же к нему перейдут титул и наследство.

Линдсей был для нее кем-то неизмеримо большим, чем просто виконтом и перспективным наследником титула маркиза.

– Когда ты дуешься, мой ангел, каждый мужчина смотрит на тебя, желая смахнуть поцелуем печаль с этих прекрасных губ.

Ну как могла Анаис или любая другая женщина устоять перед ним? Обладавший мрачной, темной красотой, Линдсей являл собой все, что молодая женщина мечтает найти в мужчине. Высокий, широкоплечий и мускулистый, он умудрялся передвигаться с грациозностью хищника, которая неизменно приковывала взгляд каждой женщины и вызывала ее живой интерес. Одежда Линдсея была безукоризненно чистой и скроенной просто великолепно, словно специально для того, чтобы подчеркнуть его мощные плечи и безупречно стройные ноги. Волосы Линдсея были оттенка оникса, и он носил их длинными, до плеч, где пряди распались неукротимыми волнами – Анаис едва могла противиться желанию запустить в них пальцы! Его глаза, цвета ирландского мха, обрамляли длинные черные ресницы – и для чего такая роскошь мужчине? Линдсей был красив, его облик отвечал идеальному представлению о погруженном в раздумья поэте. Но благодаря этим длинным волосам и греховному изгибу его рта, который обычно скрывался за отросшей за ночь щетиной, Линдсей напоминал Анаис не поэта, а падшего ангела, из породы тех, кто способен соблазнить любую женщину одной неосторожной улыбкой или случайной вспышкой глаз.

Именно это делало Линдсея таким очаровательным. В нем причудливо соединились романтическая чувствительность и мощная аура порочной мужественности. Одна часть Линдсея словно была создана для романтической девушки, другая взывала к зрелым женским потребностям, которые Анаис так тщательно от него скрывала.

Ее взгляд блуждал по рукам Линдсея, длинным, утонченным, артистическим. Она затрепетала, представив, как эти прекрасные руки ласкают ее тело, а его губы... Боже праведный, Анаис не могла смотреть на эти твердые губы и не дрожать при мысли о том, как они целуют каждую частичку ее тела!

Неудивительно, что Мэри положила на него глаз. Сама Анаис никак не могла заставить себя отвести взгляд от этого благородного профиля и перестать воображать, каким должен оказаться Линдсей под его жилетом и пиджаком. Наверняка она этого не знала, но тем не менее несколько не сомневалась: то, что скрывается под одеждой Линдсея, было столь же совершенно-прекрасным, как и его лицо.

Анаис не сомневалась и в том, что, разделавшись с Линдсеем, это ощущение оказалось бы необыкновенным, ярким – несравнимым с тем, что можно было фантазировать, доставляя самой себе чувственное удовольствие. Словно прочитав мысли Анаис, Линдсей взглянул на нее: его глаза горели, уголки губ приподнялись в загадочной улыбке.

Да, он грешный! Настоящий распутник. Как бы Анаис сейчас хотелось, чтобы Линдсей наклонился к ней и принялся нашептывать на ухо все эти порочные вещи, которые еле слышно произносил в ее мечтах... Очнувшись от смелых фантазий, Анаис с усилием глотнула и разрушила магию устремленного на нее взгляда лучшего мужчины на свете.

Анаис отвела взор, опустила глаза и, не слишком доверяя комплиентам, вновь решила взглянуть в лицо Линдсея. В его глазах не было ни намека на желание поддразнить. Никакой улыбки.

– Ты пытаешься мне льстить, – отозвалась Анаис, украдкой взглянув на Мэри Грантворт. Та бесстыдно наблюдала за ними, буквально сочась ядом.

– Нет, Анаис. Я не сказал бы тебе ни одного лживого слова. Ты ведь знаешь это.

Конечно, Анаис знала. В конце концов, они были друзьями. «Друзья» – это безобидное определение начинало смыкаться вокруг ее шеи, подобно петле. Анаис не хотела дружить с Линдсеем. Она жаждала большего. Отчаянно желала тех же самых вещей, о которых грезил.

Тех же самых чувств, что струились сквозь тело, когда она ублажала себя, мечтая о его прикосновениях.

Ощувив, как зарделось ее лицо, Анаис поспешила снова отвести взгляд. Если бы Линдсей знал, какие мысли о нем терзают давнюю подругу! И как эротичны, как непристойны, нескромны были эти мысли – узнай Линдсей о них, и пулей унесся бы от Анаис, только и след простыл!

Возможно, Линдсей действительно не мог ей лгать – только вот его слова определенно ничего серьезного не значили. Он сделал комплимент лишь для того, чтобы проявить доброту, поддержать подругу. Анаис явно не стоит воспринимать его слова как нечто большее – точно так же, как и двусмысленную сцену в гостиной, участниками которой они стали. Она не должна думать об этом как о чем-то важном, вспоминая, как Линдсей крепко прижался к ней, как его губы задержались над ее рукой и как он, казалось, глубоко, всей грудью вдыхал аромат ее духов.

Нет! Она была в плену своих фантазий, мечтала о несбыточном, хоть на мгновение позволяя желаниям, обуревавшим ее по ночам, стать реальными. Линдсей не желал ее с той страстью, которую она испытывала к нему.

– Милорд, вы собираетесь посетить сельскохозяйственную ярмарку, которая пройдет на следующей неделе в Блэкпуле? – спросила Мэри Грантворт, отвлекая внимание Линдсея от лица Анаис.

– Я не думал об этом, леди Мэри.

– Нет? Вам следует там побывать. Мой дядя собирается участвовать в этой ярмарке, представит на суд публики своих бельгийских теплокровных лошадей. Насколько я знаю, он планирует продать несколько жеребцов. А поскольку вы известны в городе как самый умелый наездник, точно так же, как и ценитель плоти...

– Плоти? – переспросил Линдсей, озадаченно подняв бровь.

Мэри покраснела – это было мило, но отнюдь не невинно.

– Ценитель конской плоти, лорд Реберн. Я подумала, что вас, возможно, заинтересует продажа этих жеребцов, ведь вы так увлеклись программой племенной работы здесь, в Бьюдли. Во всяком случае, я предположила, что именно это вы подразумевали, когда говорили о разведении скакунов во время нашей прогулки на прошлой неделе.

Ожидая ответа Линдсея, Мэри стрельнула в Анаис полным триумфа взглядом с противоположной стороны стола. Со строгим, граничащим с невежливостью поклоном Линдсей сосредоточил внимание на своей тарелке и лежавшем там куске говядины на косточке. Он не удостоил ответом вопрос Мэри, и Анаис заметила, как на красивое лицо соперницы набежала темная грозная туча.

Аппетит тут же покинул Анаис. Пища просто отказывалась лезть в рот – только не сейчас, когда все внутри переворачивалось от волнения. Анаис из последних сил пыталась сохранить самообладание, вернуть внутреннее спокойствие, нарушаемое беспорядочными мыслями, стремительно мелькавшими в голове. И как раз в то самое время, когда Анаис решила, что вот-вот сойдет с ума от этих мыслей, она почувствовала нежнейшее, ласкающее прикосновение к своей руке, лежавшей на ее колене под столом. Кисть Анаис погладили один раз, потом другой... Волнительное покалывание пробежало вверх по руке, заставляя кожу покрываться мурашками. Кто-то продолжал ласкать кисть Анаис, мягко продвигаясь все выше, пока чьи-то пальцы не обернулись вокруг ее запястья.

Линдсей.

Анаис подняла взор на желанного мужчину, заметив, как потемнели его глаза, как многозначительно он смотрел на нее. Потом Линдсей взял ее руку в свою, переплел их пальцы и положил две сцепленные кисти себе на бедро. Свободной рукой он неспешно провел по суставам Анаис и просматривавшимся под ее кожей венам – это было так нежно, что она начала дрожать.

Это была самая чудесная, самая эротичная ласка, которую когда-либо заставляли чувствовать Анаис. Держаться за руки и прикасаться друг к другу под накрытым к ужину столом, сидя в окружении двух дюжин гостей, – это казалось проявлением в высшей степени скандального, порочного поведения.

– Я хочу поцеловать твои губы, – тихо сказал Линдсей Анаис, лишь ей одной, и его пристальный взгляд скользнул вниз, к ее рту. – Я хочу, чтобы ты вся принадлежала мне, только мне, – с нажимом добавил он. – А ты хочешь этого, Анаис? Хочешь остаться со мной наедине?

Линдсей выпустил тонкую руку, положив ее на колено Анаис, и его пальцы легонько пробежали по бедру подруги. Анаис едва могла думать, она потеряла способность дышать, когда рука Линдсея неумолимо заскользила дальше, ближе к вершине ее бедер.

– Ты будешь со мной, Анаис? – Он поднялся со стула, осторожно убирая свою руку, чтобы никто не смог ненароком ее увидеть. Линдсей провел ладонью по тафте платья Анаис – медленно, словно дразня. Он плавно наклонился вниз, притворяясь, будто тянется за своей салфеткой, но вместо этого улучил момент и зашептал Анаис на ухо. – Приходи ко мне.

После этого Линдсей выпрямился, принес свои извинения и вышел из-за стола. А трепетавшая Анаис наконец-то смогла перевести дыхание. «Приходи ко мне...» – эти простые слова беспокойно крутились в ее сознании следующие полчаса.

Глава 2

Голубые глаза сверкнули в сторону Линдсея из-за пелены вьющихся золотистых волос. Губы Анаис приоткрылись, дразня его своей невинностью. Взгляд Линдсея скользнул по этим красным пухлым губкам, выразительно говорящим ему о греховных наслаждениях, которые скрываются за этими манящими вратами. Сладостная, милая чистота, смешанная с запретной чувственностью.

Она была леди до мозга костей. Его подруга детства, хотя уже и не ребенок. Анаис была женщиной – она обладала разумом женщины, телом женщины. Но ощущала ли она сексуальное желание, свойственное женщине? Жаждала ли она его? Позволила бы Линдсею утолить ноющее, мучительное вожделение – то самое проклятое вожделение, что терзало его изнутри на протяжении долгих лет?

То, как они коснулись друг друга, их переплетенные руки, спрятанные под столом, сказали Линдсею, что Анаис могла бы только приветствовать его ухаживания. Линдсей чувствовал, как она трепетала, когда его ласки становились все более откровенными. Истолковать его намерения ошибочно было просто невозможно. Он больше не скрывал, чего хотел на самом деле.

– Ты отстаешь, Линдсей! – окликнула Анаис, обернувшись через плечо и взглянув на спутника через свои длинные локоны, которые спадали волнами и развевались на холодном вечернем ветру. – Тебе не следовало ехать на этой гневной лошади. Теперь я обгоню тебя по дороге к конюшне, и ты проиграешь в нашем пари! – смеясь, воскликнула Анаис. Пришпорив свою кобылу, наездница склонилась над седлом, и сочные, пышные ягоды метнулись вверх, когда их обладательница лихо поскакала вперед.

Страстное желание спазмом сковало живот Линдсея, когда его взгляд принялся бродить по соблазнительным округлостям форм Анаис. Наверное, ему следовало остаться в Лондоне, по-прежнему прятаться в притоне Чана для курильщиков опиума, будоража сознание всеми этими распутными желаниями. Но, по правде говоря, Линдсей больше не мог держаться на таком расстоянии от Анаис Дарнби, его влекло к ней, будто бабочку к огню.

Знакомая ноющая боль желания разлилась внутри, и Линдсей сжал уздцы обтянутыми перчатками руками, подгоняя свою лошадь, чтобы сократить дистанцию до Анаис.

Он не должен был предлагать эту вечернюю прогулку верхом, никогда и ни за что! Не должен был распалать себя, прикасаясь к ней под столом. Черт возьми, ему следовало понимать, что не стоит просить Анаис сопровождать его! Линдсей прекрасно это понимал. Он не мог отвести взгляд от подруги детства на протяжении всего ужина. Внимательно наблюдал, как она ела, изучал эротическую игру ее языка на губах, на вилке. Линдсей никак не мог побороть страстное желание на протяжении всего этого проклятого ужина, он жаждал обладать Анаис! Глядя на нее, он чувствовал унижительную эрекцию, его кровь кипела от навязчивой идеи стать для Анаис больше чем просто другом. Черт побери, он должен был осознавать, что эта скачка сломя голову через лес не успокоила бы опасного желания, бурлящего в его венах...

Анаис снова оглянулась на него через плечо, ее глаза расширились от удивления, когда она увидела, как стремительно Линдсей настигает ее, уже практически наступая на пятки, готовясь обогнать ее кобылу. Дерзкая наездница улыбнулась, принимая вызов, и его кровь закипела еще сильнее.

Линдсей терял способность думать, когда она смотрела на него вот так, словно опытная соблазнительница с надутыми, умелыми губками. Анаис была его другом – его лучшим другом. Линдсей дорожил этой легкой, гармоничной дружбой – ведь это такая редкость! То, о чем он так долго грезил, чего так неудержимо желал, могло раз и навсегда разрушить теплые дружеские чувства, которые питала к нему Анаис.

Но Линдсею требовалось – отчаянно, до исступления – отведать хотя бы один кусочек наслаждения, которое она могла ему дать. Всего один кусочек. Один простой, запретный кусочек...

Ах, Линдсею следовало бы подумать о кольце, которое он оставил в своем логове удовольствий! Поразмислить над тем, что он должен предложить руку и сердце перед тем, как их отношения зайдут слишком далеко. В конце концов, Анаис была леди, а не какой-то дамой полусвета. А Линдсей был джентльменом, знавшим, как обращаться с истинной леди. Правда, в этот момент он мог думать лишь о том, как хочет Анаис – сильно, сладострастно...

Конюшня теперь маячила в поле зрения, и лошадь под седлом Анаис на полной скорости, галопом неслась к открытым дверям. Сердце Линдсея неистово колотилось. Так было всегда, когда он ездил верхом. Но его волнение объяснялось не только безумной скачкой. Линдсея будоражили запретные желания, его сердце замирало, стоило подумать о возможной метаморфозе отношений с Анаис – о превращении невинной дружбы в глубоко сокровенный, интимный момент взаимного наслаждения. Перед мысленным взором он явственно видел гладкую, горящую страстным румянцем кожу. Припухлые губы, приоткрытые от блаженства. Ее пальцы, вонзающиеся в его плечи, когда переплетаются их тела, горящие и искрящиеся вожделением... Да, именно этого он так настойчиво хотел – взаимного экстаза, торжества плоти.

Линдсей жаждал, чтобы Анаис стала спутницей его жизни. Женой. Любовницей. Он совершенно точно знал, что не сможет выносить эту сладостную муку, он просто не перенесет еще один день, еще один месяц, еще один год мечтаний и страстных желаний. Черт побери, какая же это пытка – находиться рядом с Анаис и не сметь прикоснуться к ней! Интересно, а она догадывалась о том, чего так хочет от нее давний друг, когда они сидели у пруда, задумчиво накручивая на пальцы зеленые былинки? Понимала ли Анаис, какая выдержка требуется от него, чтобы сопротивляться желанию накрыть ее тело своим, когда она растянулась бы на траве, устремив взор в небо?..

Гнедая лошадь под седлом тяжело, вымученно захрипела, вместе с наездником ворвавшись в конюшню. Линдсей услышал сбившееся, фыркающее дыхание кобылы Анаис и подстегнул свою лошадь, направляя ее в стойло. Он увидел, как Анаис уже почти спешила, только носок ее короткого сапожка застрял в стремях. Лодыжка в чулке соблазнительно мелькнула перед Линдсеем, и его член снова стал твердым. Страстное желание, которое он из последних сил сдерживал на протяжении всего ужина, вырвалось на свободу, заставив позабыть о сдержанности.

Уже через пару мгновений руки Линдсея обвили вокруг талии Анаис и приподняли прекрасную наездницу, освобождая ее от стремян. Анаис чуть не задохнулась от волнения, и, услышав этот женственный, хрипловатый, судорожный звук, слетевший с ее губ, Линдсей потерял голову. Его уже не заботило то, что она, возможно, не желает его так, как он хочет ее. Именно этого момента он и ждал. Момента истины. Судьбы, которая была уготована ему.

– Я больше так не могу, Анаис, – втянув в легкие побольше воздуха, сиплым от волнения голосом произнес Линдсей, прислонив обожаемую женщину к стене конюшни. – Это настоящая мука – наблюдать за тобой издали. Убийственная пытка – думать о тебе ночами, в одиночестве, отчаянно желая почувствовать тебя рядом. Я слишком долго нуждался в тебе, хотел тебя.

Ее глаза широко распахнулись. От потрясения? Или от страсти? Линдсей не знал, и эта неопределенность пожирала его изнутри.

– Я больше не могу смотреть на тебя только как на подругу. Я хочу ощутить твоё тело подо мной. Я хочу, чтобы ты вспыхивала и горела в моих объятиях. Я хочу быть внутри тебя...

Он не ждал ответа Анаис. Боялся услышать, что она скажет, будто не разделяет его чувств и желаний. Он лишь жаждал ощутить ее обветренные губы под своими. Всего один поцелуй... Линдсей прервал бы этот поцелуй, если бы Анаис стала возражать против его ласк. Но и дальше

отвергать свои чувства, сопротивляться искушению было мукой, которую он уже не мог выносить. Если бы Анаис позволила Линдсею некоторые вольности, он признался бы ей в своей любви. Покончил со всеми этими переживаниями и женился бы на ней. Он занимался бы с ней любовью всеми способами, которые только знал.

– Ты знаешь, чего я хочу от тебя? – спросил Линдсей, склоняясь ниже, так что его губы оказались совсем близко к губам Анаис.

– Да, – прошептала она, затаив дыхание.

– И ты дашь мне то, что я хочу?

Он стянул перчатки со своих рук, бросив их на пол конюшни. Расстегнув накидку Анаис, Линдсей позволил одеянию упасть с ее плеч и принялся поглаживать ладонями ее руки, тонкий шелк ее платья.

– Если ты скажешь «нет», Анаис, я не буду давить на тебя.

Их взгляды встретились, и Линдсей увидел войну, бушевавшую в глазах женщины всей его жизни. Ожидание ее ответа – эта пытка была самой мучительной на свете.

Еще один порыв холодного северного ветра сердито завыл, налетев со стороны покрытых снегом холмов. Ставни окна на стене позади Анаис закрипели, стуча о кирпичную кладку, когда в который раз стремительно налетел ветер. Новый порыв ворвался ледяным воздухом через трещины в старой, потрескавшейся от непогоды раме створчатого окна, и это громкое завывание отвлекло Анаис от ее мыслей.

Она должна была дрожать от холода, так долго простояв прямо на пути разгулявшейся стихии, но уколы резкого зимнего воздуха не ощущались, напротив, губительная страсть обволакивала ее своим лихорадочным жаром.

– Анаис, я сойду с ума, если и дальше буду сдерживать себя, – нашептывал ей на ухо низкий голос Линдсея. – Пожалуйста, – молил он, плавно спуская платье и тонкую сорочку вниз по ее рукам, обнажая белую шнуровку под ними. – Скажи «да», – заклинал Линдсей, пока его длинные пальцы искали завязки ее корсета. – Или прикажи мне прекратить свои ласки прежде, чем я уже не смогу остановиться.

Что она должна была ответить? Анаис прекрасно понимала, что ей следует сказать, но эти слова упорно не желали слетать с языка. Никогда еще ей не было так тяжело, так невозможно трудно сказать «нет», как сейчас. Она не хотела произносить это слово, потому что знала: Линдсей с уважением и вниманием отнесется к ее отказу. А меньше всего на свете Анаис хотела его отвергнуть. Нет, она желала вкусить запретный плод, хотя это и противоречило всему, чему ее учили. Она отчаянно желала любовных ласк Линдсея, невзирая на то что могла обесчестить себя в глазах общества.

– Анаис?

– Не останавливайся, – сдавленно, снова задыхаясь, промолвила она. – О, Линдсей, пожалуйста, не останавливайся...

С виртуозным умением он развязал бантик на корсете Анаис и потянул за шнурки, высвобождая из плена ее груди, выставляя их на холодный воздух. Анаис задрожала, почувствовав сексуальное возбуждение, хлынувшее потоком в ее горячую кровь подобно бокалу изысканного шампанского.

Склонившись над ложбинкой груди, Линдсей провел губами по плоти Анаис, заставляя кожу пылать еще сильнее. Запустив руки в его густые вьющиеся волосы, Анаис сжала эти шелковистые пряди пальцами, когда его жадные губы заперхали над ее кожей. Линдсей спускался все ниже, и дыхание Анаис замерло. Закрыв глаза, она позволила так долго сдерживаемому вздоху слететь с уст еле слышным стоном страстного желания – влечения, которое, как она прекрасно знала, было запретным. Ни одна женщина ее сословия не сделала бы ничего подобного без намерения выйти замуж и уж точно не стала бы заниматься этим в конюшне! Только

публичная женщина, бесстыдная развратница позволила бы мужчине подобные вольности в таком месте, где их мог застать кто угодно. Но запретный плод был самым сочным из всех, особенно теперь, когда именно Линдсей предлагал отведать этот недозволенный вкус.

Анаис потеряла способность мыслить, лишь чувствовала, как губы Линдсея спускались вниз, следуя за спадавшим платьем. Его пальцы медленно скользнули под пояс нижних юбок Анаис, расстегивая их. Справившись с застежками, Линдсей принялся тянуть юбки по пышным бедрам своей желанной до тех пор, пока они не упали к ее ногам грудой кружев.

Еле дыша, Анаис еще сильнее прижалась спиной к холодным камням стены, когда Линдсей опустился на колени и стал ласкать влажную плоть между ее бедрами. Его ладони похозяйски легли на груди Анаис, а губы жадно, будто изголодавшись, двигались по ее влажному холмику, прижимаясь к нему и нетерпеливо лаская.

Как она могла отвергнуть его? Как могла отказать самой себе в греховном удовольствии, особенно когда желала – нет, любила – этого мужчину всю свою жизнь? Это не было ни случайной прихотью, ни мелодрамой, разыгрываемой в жару сексуального безумия, – это была чистая правда. Анаис полюбила Линдсея надолго... ладно, навсегда. Находиться с ним наедине сейчас, здесь, в конюшне его поместья, чувствовать, как его губы ласкают самые потаенные частички ее тела самыми экзотическими способами, – это было неизмеримо больше, чем то, на что она когда-либо смела надеяться! И как же долго, как же мучительно долго ждала она этого момента...

Пulsь отчаянно стучал в ее ушах, а горячий рот Линдсея покрывал каждый дюйм ее плоти. Анаис слышала стремительное биение своего пылающего сердца, смешанное с эротичными звуками его языка, омывающего ее кожу. То, как Линдсей доставлял наслаждение, заставило Анаис желать, чтобы любимый жадно поглотил ее, и она поощрила эти смелые атаки сбивающимся хриплым дыханием и тем, как инстинктивно вцепилась в его волосы.

– Я знал, что ты будешь такой отзывчивой на мои ласки, – произнес Линдсей гортанным голосом и погрузил свой палец в самую глубину тела Анаис, заставляя ее лоно еще больше увлажниться. – Боже мой, как ты красива! – судорожно выдохнул он, неожиданно поднявшись и начав внимательно изучать обнаженное тело Анаис, которая беззащитно стояла перед ним.

– Ты ведь знаешь, что это неправда, – промолвила она дрожащими губами, отчаянно желая, чтобы все было иначе.

– Это правда, – настойчиво возразил Линдсей, погладив кончиком пальца ее раздувшийся сосок. – Неужели ты никогда не замечала, что я не могу оторвать от тебя глаз? Неужели никогда не задавалась вопросом, почему мне так нужно быть рядом с тобой? Ты – ангел, Анаис. Ты – мой ангел. И ты прекрасна.

Линдсей смотрел на нее как мужчина, изголодавшийся по плотским утехам, мужчина, находящийся во власти неукротимого влечения. Анаис знала, что он обязательно закончит то, что сам же и начал. Она решила обдумать все позже. Потом, когда Анаис останется одна в своей комнате, она может попробовать понять, почему теперь, после стольких лет дружбы, Линдсей решил превратить их платоническое общение в нечто большее.

Ощущение его рук, нежно поглаживавших ее груди, прогнали все мысли и сомнения прочь. Большой палец Линдсея кружился над ее сосками, заставляя эти розовые бутоны твердеть, превращаясь в камушки, и женское нутро Анаис сжималось от желания. А Линдсей снова и снова дразнил ее искусными большими пальцами, пощипывая соски до тех пор, пока маленькие сладостные судороги не стали легонько сотрясать ее тело.

– Я хочу ощутить, как ты будешь трепетать, когда я глубоко погружусь в тебя. – Анаис встретила с Линдсеем взглядом, и дерзкий оболъститель расплылся в чувственной улыбке. – Позволь мне заняться с тобой любовью.

– Да... – сдавленным голосом произнесла Анаис, когда он, проведя языком по ее соску, схватил его губами.

А в голове Анаис пронеслось: «Да. Я хочу этого – хочу гораздо большего...»

Приподняв свою желанную так, словно она была легкой, как перышко, Линдсей отнес ее в угол конюшни, туда, где были сложены тюки прессованного сена. Там он отпустил Анаис, позволив ей встать рядом. Стянув рубашку со своих плеч, Линдсей разложил ее поверх этой самодельной постели. Потом снова поднял Анаис на руки и положил ее на льняную ткань, влажную от его пота.

Прогулка верхом получилась весьма энергичной, они скакали через лес во весь опор. Даже теперь Анаис могла видеть струйки пота, сочившиеся по груди Линдсея, – серебристый лунный свет проникал через окно и отражался на его широкой груди. Анаис нравилась типично мужская текстура сырой рубашки, которую она ощущала спиной, и окружавший ее аромат Линдсея – мужественный и мускусный. Анаис совершенно не заботило то, что именно так она впервые познает мужчину – в конюшне, мечась на стог сена. Ей было все равно, потому что рядом находился Линдсей, и это был его мир – мир, в котором они всегда существовали только вдвоем.

Откинувшись и опершись на пятки, Линдсей жадно рассматривал Анаис, не переставая водить руками по ее телу.

– Какая нежная, какая красивая и светлая! – воскликнул он с благоговейным трепетом. – Я хочу запомнить тебя такой – растянувшейся на этом сене, ждущей, когда я возьму тебя... в первый раз.

Бедра Анаис задрожали. Она отбросила всю неловкость – сейчас был не тот момент, чтобы чувствовать смущение. О нет, настало время потворствовать своей самой сокровенной, самой интимной фантазии – заняться любовью с Линдсеем.

Он пробежал рукой по ее соскам и принялся спускаться вниз, к ребрам, пока не достиг ее бедра. Он ласкал, гладил, массировал, наблюдая за откликом Анаис, слушая ее стоны наслаждения, потом провел кончиками пальцев по внутренней стороне ее бедер, заставив нежную кожу покрыться мурашками. Линдсей играл так некоторое время, прикасаясь к Анаис, еще больше распаяя, усиливая предвкушение, пока она не вцепилась в его плечи, заставляя опуститься еще ниже. Анаис понравилось ощущать рот Линдсея между своими бедрами, и, жадная до его ласк, она хотела снова испытать это блаженство.

Линдсей понимал, чего возлюбленная жаждет с такой силой, и с порочной улыбкой, заставившей Анаис затрепетать от остроты наслаждения, он опустил голову и припал ртом к ее лону. Анаис выгнулась, поддаваясь интимной ласке, влажной плотью слегка касаясь его щеки и губ. Она услышала его стон, этот звук наслаждения и восторга, и в следующую секунду Линдсей зарылся языком в потаенную глубину ее тела.

Анаис выкрикнула имя Линдсея, почувствовав, как его язык проник между ее сокровенными складками, и закрыла рот тыльной стороной ладони, пытаясь сдержать свои распутные мольбы. А Линдсей лишь распаял ее еще больше, медленно проходясь языком по всей длине ее женского естества, кружась внутри ее сладостного бутона плоти. Напрягшись всем телом, Анаис взглянула вниз – только чтобы увидеть Линдсея, который тоже смотрел на нее, неспешно, продлевая блаженство, водя языком вокруг горошинки в преддверии ее лона. Этого греховного зрелища было достаточно, чтобы сердце Анаис волнительно замерло.

– Я всегда задавался вопросом, каким был бы твой вкус, как бы он ощущался на моем языке. Теперь я это знаю.

Развратник, какой же он развратник! Но резкие слова упрямо не желали срываться с уст Анаис, сейчас она ощущала лишь неукротимую дрожь собственного тела, распластавшегося под Линдсеем, купаясь в оргазме, который подарили неистовые ласки его рта. С губ Анаис слетел странный звук, это было хриплое, прерывистое дыхание, умолявшее Линдсея остановиться. Но он не собирался выполнять эту еле слышную просьбу. Напротив, обольститель с новой силой возобновил свои атаки. Его язык с жадностью, неистово терзал Анаис до тех пор,

пока она не сжала голову любимого и не приподнялась на локтях. Теперь она с наслаждением наблюдала, как Линдсей продолжает свою чувственную пытку.

Бедра Анаис двигались в такт его умелому языку. Она слышала страстное рычание Линдсея, видела, как его ненасытный взор спустился к ее грудям, колебавшимся в такт новым страстным конвульсиям, которые охватили тело, стоило снова воспарить к вершинам оргазма.

Линдсей продолжал изучать пышные груди, и Анаис сжала одну из них, поглаживая сосок большим пальцем, – точно так же, как делала ночью, спрятавшись под одеялом и представляя, что это Линдсей, а не ее собственная рука делает с ее телом все эти порочные вещи.

– Маленькая распутница, ты ведь занималась этим прежде, не так ли?

Анаис медленно расплылась в полуулыбке и продолжила поглаживать свои груди. Дерзкая девчонка дразнила любимого, наслаждаясь его хриплым рыком, который стал громче, когда она принялась перекачивать сосок между большим и указательным пальцами.

– Это о тебе я мечтала, когда доводила себя до оргазма, Линдсей. Но это было совсем не так, как сейчас. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Это упоительно, возбуждающе...

Приподнявшись, Линдсей сел, стянул с себя сапоги и бросил их на выложенный каменными плитами пол. Он резко дернул застежку своих бриджей и потянул их вниз с бедер, позволяя Анаис мельком увидеть черные завитки и вздыбленный член. В следующее мгновение Линдсей яростно прижался к любимой своим горячим, влажным телом.

Анаис простерла к нему руки, позволив его мощному торсу накрыть свою грудь. Линдсей зарылся лицом в ее шею и волосы, рассыпавшиеся по сену. Он проникал внутрь тела Анаис, наполняя ее все глубже, так глубоко, что она могла лишь беспомощно скользить, повинаясь его вторжению. Но вот Линдсей потянулся к ее бедрам и крепко сжал их своими большими сильными руками...

– Я наполнена тобой, – выдохнула Анаис, чувствуя, как толстое и длинное воплощение его мужественности еще больше погружается в глубину ее тела.

Линдсей застонал, по-прежнему сжимая бедра Анаис, все еще удерживая ее так, чтобы целиком наполнить собой.

Боли, ожидаемой Анаис, не было. Мимолетный, остро жалящий укол заставил ее вздрогнуть, но это чувство быстро забылось, уступив место восхитительному ощущению Линдсея, глубоко проникшему внутрь. Теперь они были единым целым. Анаис уже не могла сказать, где заканчивалось ее тело и начиналось его.

Линдсей крепко сцепил руки вокруг ягодиц возлюбленной, сжав их еще сильнее. Он не сводил глаз с подпрыгивающих и покачивающихся грудей Анаис, и его глубокие страстные толчки становились все быстрее. Она выгнула спину, ощущая вновь нараставшее внутри давление. А Линдсей продолжал обрушивать свои резкие выпады до тех пор, пока Анаис не почувствовала, как напряглись его плечи под ее пальцами.

– Анаис, – простонал он. – Ангел...

Встретившись взглядом с главным мужчиной своей жизни, она пристально смотрела ему в глаза, пока он продолжал вонзаться в нее – сначала медленно, потом все настойчивее, глубже и быстрее. Объятая неизведанным ранее желанием, Анаис повторяла про себя: «Мой прекрасный, прекрасный Линдсей, как же я тебя люблю...»

Поток холодного воздуха, проникавший внутрь через щели в досках конюшни, ласкал их обнаженные тела. Анаис дрожала, прижимаясь к теплоте тела Линдсея. Он потянулся и снял с железного крючка шерстяной плед.

– Ты ведь не возражаешь, не так ли? – спросил Линдсей, накрывая Анаис и себя куском клетчатой шерсти. – Я знаю, что это не роскошный глаzet, но, признаюсь, я не готов тебя сейчас отпустить. Я хочу чувствовать тебя рядом, – тихо произнес он, проводя рукой по ее телу.

Анаис не отбросила бесстыдно исследующую ее тело руку, лишь еще сильнее прижалась к Линдсею. Сказать по правде, она никак не могла насытиться его комплиментами, насладиться движениями его рук, которые, казалось, не уставали поглаживать ее тело самым почтительным, самым благоговейным из всех известных способов.

– Сколько раз ты еще хочешь сделать это сегодня вечером?

Линдсей тихо засмеялся и прижался подбородком к макушке Анаис.

– Я не знаю. Никак не могу насладиться тобой до конца. Но понимаешь, у меня впереди целая жизнь, чтобы упиться тобой. Так много лет, чтобы восхищаться тобой, смотреть на тебя... Ты даже представить не можешь, каким пыткам невольно меня подвергала. Сегодня вечером, в гостиной, когда я увидел, что ты стоишь у камина, я с трудом подавил в себе желание похитить тебя, увести оттуда силой – так неудержимо я тебя хотел...

Пальцы Линдсея потянулись к Анаис, поймав локон, лежавший на ее плече. Анаис увидела, как возлюбленный внимательно рассматривает ее белокурые завитки в серебристом лунном свете.

– Я так счастлив, что наконец-то набрался храбрости и затащил тебя в постель, – прошептал он, отпуская локон и поглаживая пальцами ее плечи.

– Я тоже, – отозвалась Анаис, трепеща при мысли о том, что Линдсей смотрит на нее уже как на женщину.

Он поймал ее руку и медленно переплел их пальцы.

– Я не хочу, чтобы этот момент заканчивался, но, полагаю, уже довольно поздно, и мне придется тебя покинуть. Уверен, твои мать и отец ждут, когда ты вернешься домой. Мы ведь прогуливались верхом, – добавил Линдсей с усмешкой, – чересчур долго.

Анаис кивнула, понимая, что он был прав, но отчаянно желая отсрочить неминуемое расставание. Она тоже не хотела, чтобы этот чудесный момент заканчивался. В конце концов, она слишком долго мечтала увидеть хоть малейший знак того, что Линдсей вожделеет ее как женщину, а не рассматривает лишь как подругу.

– Ты собираешься на Торрингтонский маскарад во вторник?

– Да, – простонала Анаис, ненавидя саму мысль о том, что придется наряжаться в какой-нибудь нелепый костюм.

– Мне казалось, что ты любишь День святого Валентина. А как лучше отпраздновать его, если не с помощью маскарада?

– Я действительно люблю День святого Валентина. Просто меня не волнуют все эти маскарады.

– Почему нет?

Анаис села, и плед соскользнул вниз, обнажая ее пышные груди.

– Тебе бы тоже не нравились маскарады, если бы мать заставляла тебя надевать костюм пастушки.

Зеленые глаза Линдсея потемнели. Потянувшись, он провел кончиком пальца по розовому кружочку ее ареолы.

– Думаю, тебе следует отправиться на маскарад, нарядившись одалиской. Не могу представить себе что-нибудь более возбуждающее, чем видеть тебя, одетую так, словно ты только что вышла из гарема. Ты бы сделала это для меня, Анаис? – спросил Линдсей, глядя на нее через свои невозможно длинные черные ресницы. – Ты могла бы одеться как гурия? Моя, только моя гурия?

Анаис решила, что мир перевернет, из кожи вон вылезет, но сделает костюм, который понравится ее мужчине. Она доставит удовольствие Линдсею, побалуует, потакая его любви ко всему восточному. И сыграет роль обитательницы гарема, если это именно то, чего он желает.

Линдсей улыбнулся и нежно обвил пальцами шею Анаис, притягивая ее ближе.

– Ты позволишь мне заняться чем-нибудь порочным с тобой, моя гурия? Ты найдешь способ прийти ко мне в ночь маскарада и заняться со мной любовью?

Ну что она могла ответить? Этот сценарий был просто воплощенной мечтой.

– Да.

Линдсей наклонился, прильнув к ее губам, одаривая ее нежным, убаюкивающим поцелуем, вводящим в нечто наподобие наркотического транса. Его рука скользнула к груди Анаис, и он поймал ладонью одно из сочных полукружий, а потом провел рукой вдоль всего ее тела – медленно, мягко, с поистине любовной нежностью.

– Ты чувствуешь, каким твердым я становлюсь, касаясь твоего теплого живота? Даже одна-единственная мысль о тебе приводит меня в такое возбуждение, Анаис. Я хочу тебя снова, хочу еще раз оказаться в тебе, чтобы ты могла чувствовать меня внутри своего тела всю оставшуюся ночь. Я хочу проводить с тобой каждую ночь всю мою оставшуюся жизнь.

Ах, сколько же лет ждала Анаис этого признания!

– Ты предложишь мне руку и сердце? – недоверчиво спросила она. Подумать только, бедняжка почти перестала надеяться на то, что однажды Линдсей сможет ответить на ее нежную привязанность... И все же теперь они были здесь, обнаженные, наедине, в объятиях друг друга, говорящие о вечном.

– Мы обязательно поженимся. Но в том, что касается предложения руки и сердца, у меня есть определенные планы. Когда я буду просить тебя выйти за меня замуж, мне бы хотелось, чтобы это был особенный момент. Даже не сомневайся, ты – моя. Ты станешь моей женой. Верь мне, Анаис.

Какой-то грохот вдруг эхом отозвался за окном конюшни. Вовремя подавив уже готовый сорваться с губ резкий вскрик, Анаис потянула плед на себя, прикрывая наготу.

– Это всего лишь живущие на конюшне коты, наверняка добрались до старых жестяных бидонов с молоком, только и всего, – прошептал Линдсей. – Не пугайся, моя милая. А лучше обвей меня своими прекрасными ножками и начни скакать на мне, как совсем недавно скакала на своей кобыле. – Его руки скользнули вниз, к ягодицам Анаис, и отыскивали заветное лоно между ее пухлыми складками. – Я смотрел, как ты скачешь верхом, и хотел, чтобы эти восхитительные бедра обвилились во круг меня, а не этой твоей Леди.

Анаис встала на колени и выглянула в окно, со страхом думая о том, что, похоже, заметила чью-то тень, метнувшуюся от конюшни.

– Возможно, нам следует вернуться.

– Как мне убедить тебя остаться со мной? – спросил Линдсей, возникая позади любимой и крепко обнимая ее. – Что может заставить тебя передумать?

Он стал осыпать спину Анаис поцелуями, прижимаясь губами к ее коже и заставляя трепетать каждую ее жилку, потом еще сильнее прильнул сзади, взяв ее груди в свои ладони.

– Что, если я буду нижайше молить тебя об этом? Или удержу силой, заставлю покориться с помощью красивых слов? А что, если я просто овладею тобой? – мрачно предложил Линдсей. – Да, а вот это действительно интересная мысль – просто овладеть тобой...

– Где они, черт побери? – вдруг прогремел чей-то голос.

Анаис мигом вскочила на ноги, словно ее стегнули кнутом. Она узнала этот быстро приближающийся низкий голос – он принадлежал маркизу Уэзербийскому, отцу Линдсея.

– Я отхожу этого непослушного сына кнутом, если он не удержал свой член в штанах!

– Одевайся, – скомандовал Линдсей, помогая Анаис спуститься с копны сена и поворачивая ее, чтобы завязать шнурки корсета. – Поторопись, – прошептал он, натягивая на Анаис тонкую сорочку. – Ну а теперь спрячься в сене.

– Линдсей...

– Прячься! – приказал он, бросив ей платье.

– Эй, парень! – позвал отец снаружи, голос маркиза звучал громко и невнятно, словно он хорошенько набрался.

Анаис метнула в Линдсея нервный взгляд и поспешила подхватить свое тяжелое платье из тафты.

Маркиз был запойным алкоголиком. Абсолютно никчемным бездельником и не кем иным, как распутным, шатающимся по шлюхам пьянчугой – так всегда говорил отец Анаис. Под градусом этот человек был способен на все. Анаис испугалась за Линдсея, представив, что отец может с ним сделать.

Дверь конюшни широко распахнулась. Студеный порыв февральского воздуха, сопровождаемый вихрями ветра и снега, мгновенно проник внутрь, заставив лошадей разразиться нервным ржанием. Анаис посмотрела через щелки в перекладинах дощатых стен конюшни, заметив возникшую в дверном проеме грозную фигуру маркиза, который остановился, уперев сжатые в кулаки руки в боки. Его голова повернулась как раз в направлении Анаис, и она, еле слышно захныкав от страха, поспешила присесть ниже, укрывшись за двумя тюками прессованного сена.

– Где ты? – взревел маркиз и, с треском захлопнув за собой дверь, принялся яростно рыскать по помещению в поисках сына. Находясь в сильном подпитии, маркиз споткнулся о скамеечку для ног и, еще больше рассердившись, резко отпихнул ни в чем не повинный предмет мебели так, что тот пролетел через всю конюшню. – А! – прорычал Уэзерби, устремив взгляд на Линдсея. – Вот и ты. Надеваешь свою рубашку, как я погляжу... Сейчас не самое подходящее время, чтобы трахаться с прислугой, мой мальчик. Если ты хотел уединиться с одной из горничных, тебе следовало подождать до тех пор, пока наши гости не уедут.

Линдсей накинул на плечи рубашку, потом потянулся к своему сапогу, игнорируя отца.

– Ты ведь не поимел ту девчонку Дарнби, не так ли?

Анаис увидела, как замерли, вдруг став твердыми, широкие плечи Линдсея, но он снова ничего не ответил, лишь потянулся за вторым сапогом.

– Господь свидетель, той девочке – как же ее... Анаис... – грубо рассмеялся Уэзерби – не помешает хорошая, основательная случка. Слишком много о себе мнит эта крошка! Вечно смотрит на меня свысока, так пренебрежительно, словно я – какой-то ничтожный слизняк. Но твоя мать, ты знаешь... Мысль о том, что ты обесчестил очаровательную и невинную девчужку Дарнби – эту скромную, милую малютку, – приковала бы твою мамашу к постели как минимум на неделю. Я не могу этого допустить. В конце недели у меня запланирован званый вечер для джентльменов. Я уже спустил на подготовку к этому событию кучу денег и теперь не могу допустить, чтобы твоя мать оставалась дома и притворялась, будто прикована к постели. Я хочу, чтобы она отправилась в Лондон вместе с тобой. Так что, если ты от души развлекся сегодня вечером с девчонкой Дарнби, сейчас самое время засунуть свой член обратно в штаны и отправиться домой.

Линдсей наконец-то удостоил отца вниманием, хотя на его лице отразилось лишь с трудом сдерживаемое презрение.

– Леди Анаис вернулась домой тотчас же после нашей прогулки верхом.

Лорд Уэзерби опять грубо загоготал:

– Значит, крошка не захотела задрать свои юбки для кого-то вроде тебя, да? Не сомневаюсь, она думает о тебе то же самое, что и о твоём родителе. Кукиш с маслом с такой получишь, с этой фригидной серой мышью! Не понимаю, с чего это она так вознеслась. Перед тем как выйти замуж за лорда Дарнби, ее мать слыла сущим ничтожеством! Пришла из ниоткуда, была никем и звали ее никак! За душой ничего, кроме внешности, и могу тебе сказать точно, – Уэзерби искоса посмотрел на сына, – ее мама оказалась на брачном ложе отнюдь не девственницей.

– Отец! – резко оборвал Линдсей, на мгновение бросив всполошенный взгляд в сторону укрытия Анаис и снова впившись глазами в своего наглого папашу. Увы, Линдсей знал – точно

так же, как и сама Анаис, – что ее мама была далека от святости. На самом деле матери больше подошло бы определение «лицемерка»: она проповедовала одни вещи, а делала прямо противоположные. Анаис и не питала иллюзий относительно благородства своей матери. Дочь давным-давно смирилась с ее поведением.

Анаис было восемь лет, когда она впервые заметила, как мать флиртует с другом отца во время пикника. Той ночью, когда Анаис крадучись вышла из дома и направилась к озеру, чтобы полюбоваться на светлячков в компании Линдсея, она увидела мать, одетую в белый пеньюар, которая бежала по газону к оранжерее. Друг отца томился там в ожидании. Мать упала в его объятия прежде, чем за ними закрылась дверь. Последнее, что услышала Анаис, были слезные мольбы матери, обращенные к любовнику.

– Забери меня из этого ада, – просила она. – Сотри следы прикосновений моего мужа, человека, которого я презираю! Обращайся со мной как с женщиной, так, как никогда не умел мой муж...

Даже в восемь лет Анаис понимала, что представляла собой ее мать. Карьеристка. Обманщица. Прелюбодейка. И тот случай, допускала Анаис, вряд ли был для матери первым. И уж определенно не последним.

Прошли годы, и однажды, уже в подростковом возрасте, Анаис обнаружила свою мать в мансарде с молодым привлекательным лакеем, только что принятым на работу. Помнится, тогда Анаис не сбежала прочь, как в другие разы, когда становилась свидетельницей того, как мать изменяет отцу.

Анаис схлестнулась с ней, высказав все, что думает, напрямик.

Тогда-то мать и поведала Анаис правду, о которой та давно уже догадывалась. Мать сказала, что брак с отцом Анаис принес ей богатство и положение в обществе. Именно по этой, одной-единственной причине она и вышла за него замуж. Деньги лорда Дарнби подарили ей счастье и множество любовников. От интимной близости с мужем ей становилось дурно. Точно так же, впрочем, как и при взгляде на детей, которых ей пришлось произвести на свет, потакая желаниям презренного супруга. Она ненавидела своих детей за то, во что они превратили ее тело. Она с трудом переносила моменты, которые вынуждена была проводить с внушавшими отвращение отпрысками, – даже притом, что общение с ними было сведено к минимуму. А больше других детей, как сказала мать, она презирала Анаис, потому что та, в отличие от двух своих сестер, была очень похожа на отца – и наружностью, и характером.

Еще мать с издевкой сообщила тогда, что нравственность – совершенно бесполезное качество, не стоящее и пенни. Следование нормам морали способно принести лишь страдания и ощущение петли, которая крепко-крепко затягивается на твоей шее.

Анаис выбежала из мансардной комнаты, которая когда-то была ее детской, чувствуя настоящее омерзение. Видеть свою мать, занимающуюся таким возмутительным распутством в комнате, где когда-то, еще детьми, спали она и ее сестры, – это вызвало у Анаис отвращение и заставило в полной мере осознать, какой же бессердечной развратницей, готовой спать со всеми подряд, была ее мать.

Анаис не стала сообщать ужасные новости отцу, ведь он просто не вынес бы такого предательства. Она ничего не сказала и своей старшей сестре, Эбигейл, потому что, сказать по правде, из всех детей Эбби больше всего напоминала мать. Самая младшая, Энн, была еще совсем ребенком. Так и вышло, что Анаис поведала о своих горестях единственному человеку, на которого могла положиться. Единственной во всем белом свете душе, которой безгранично доверяла. И, как всегда, он, Линдсей, ждал Анаис в конюшне, держа уже оседланную для нее лошадь и терпеливо всматриваясь в даль в надежде увидеть знакомый силуэт.

Рыдая, Анаис упала в его объятия – точно так же, как много лет назад ее мать упала в объятия своего любовника. С Линдсеем было так спокойно, так безопасно... Он прижимал Анаис к себе, позволяя ей орошать горькими слезами свою рубашку. Тогда ему было восем-

надцать. Уже больше мужчина, чем мальчик. Линдсей мог запросто оставить ее одну: в конце концов, Анаис еще считалась ребенком, даже в свои шестнадцать лет. Но он не ушел, не бросил, и бедняжка отчаянно цеплялась за него, как плющ – за стены ее дома, а верный друг продолжал утешать, поглаживая ладонью. Даже сейчас Анаис могла вспомнить это сильное, теплое прикосновение к своей спине.

Доверив свои беды Линдсею, Анаис избавилась от терзавшей душу боли, но осознание того, что холодная и безжалостная кровь матери течет в ее венах, всегда приводило ее в ужас. Минули годы, но Анаис по-прежнему не могла с этим смириться.

Она не хотела превратиться в собственную мать. Она никогда не станет такой, как мать, поклялась Анаис, слушая, как лорд Уэзерби изрыгает свой яд. И этот яд, к несчастью, был абсолютной правдой – она точно это знала.

– А что именно ты так не хочешь слушать, мой мальчик? – усмехнулся отец Линдсея, отвлекая внимание Анаис от желваков, яростно заходивших на лице возлюбленного. – Что приводит тебя в такое бешенство? Тот факт, что я не выношу эту маленькую сучку, которую ты называешь своей подругой, или то обстоятельство, что я когда-то засадил ее матери?

– Прекрати! – негодуя, потребовал Линдсей.

Но лорд Уэзерби лишь мерзко захихикал и похлопал сына по плечу:

– Не стоит корчить из себя благородного, сынок. Ты сам понимаешь, что далеко не такой. Я знаю все о тебе и твоих привычках. Итак, скажи же мне, каково это: ощущать, что ты – весь в отца, в свои двадцать девять перетрахал всю округу!

– Тридцать, – резко бросил Линдсей, потянувшись за своим пиджаком.

– Ты это о чем?

– Мне исполнилось тридцать в прошлом месяце. Но разумеется, я и не надеялся, что ты об этом вспомнишь. В конце концов, последние годы ты провел в пьяном угаре, развлекаясь в Лондоне со своими любовницами и закадычными друзьями!

– Что ж, хорошо, тридцать, – констатировал отец, и в его тоне не послышалось ни намека на раскаяние. – Так ответь, каково это – быть мужчиной, способным притащить сюда какую-нибудь хорошенькую служаночку и отжарить ее как следует прямо у стены?

– Да, я – мужчина, вот уже много лет я исполняю типично мужские обязанности, отец, – огрызнулся Линдсей, влезая в пиджак. – Пока ты шатался по шлюхам и пьянствовал годы напролет, я повзрослел. И стал тем, чем ты, увы, не являешься, – джентльменом.

Отец наклонился вперед и хитро подмигнул, упреки Линдсея несколько его не задели.

– Так кто же с тобой был, та пышногрудая крошка Салли? Я как раз трахал ее на днях. Бойкая малышка, к тому же еще и умелая! Такой красивый, широкий ротик... Ой, да перестань ты, – порочно усмехнулся отец, заметив, как хмурится Линдсей. – То, чем ты занимаешься, вполне естественно. По крайней мере, это естественно для тебя и меня, – поддразнил лорд Уэзерби, подтолкнув сына локтем под ребра, а потом, не в силах устоять на ногах, пошатнулся влево. – Какой мужчина время от времени не наслаждается ртом женщины? Черт возьми, лучшую разрядку, которую ты только можешь найти, мой мальчик, способен подарить искусный, старательный ротик, готовый удовлетворить все твои желания. Ротик, на котором тебе не придется жениться, который не будет донимать тебя остаток твоих дней.

И отец снова гаденько усмехнулся.

– Ты мне омерзителен! – с раздражением бросил Линдсей.

– Я счастлив, мой мальчик, – провозгласил отец, подчеркнуто не обращая внимания на его резкие слова. – Меня от души порадовали слухи о тебе, долетевшие из города. Если молва не лжет, яблоко действительно не падает далеко от яблони.

Анаис увидела, как кровь отлила от лица Линдсея. Теперь оно приобрело ужасающий мертвенно-бледный оттенок. Она никогда прежде не видела, чтобы Линдсей выглядел таким встревоженным. Возможно, он беспокоился потому, что отец сказал о его предыдущих амур-

ных завоеваниях в ее, Анаис, присутствии? Может быть, Линдсея волновали ее чувства, особенно после того, что между ними произошло?

Анаис понимала, что Линдсей знал других женщин – в его-то возрасте! Она не была наивной, чтобы верить в то, что возлюбленный берег себя для нее. Кроме того, Анаис почувствовала, как искусен был Линдсей в амурных делах, с первого же прикосновения его рук к своему телу. Но, даже сгорая от ревности и страдая, она нисколько не сомневалась: то, что их связывало, было более значимым, чем все приключения Линдсея с другими женщинами.

Анаис ничего не оставалось, как верить в это, потому что осознание чего-то иного было бы слишком болезненным, мучительным, просто непереносимым...

– Что ж, раз так, я ухожу, вернусь в дом, чтобы сказать этому напыщенному ослу Дарнби, что его вздорной дочурки здесь, с тобой, нет. Я-то знал, что у тебя гораздо больше вкуса для того, чтобы не спариваться с кем-то вроде нее, но твоя мать... – лорд Уэзерби усмехнулся и снова зашатался на месте, – твоя мать не успокаивалась до тех пор, пока я не бросил свой портвейн и уже сданные карты и не отправился тебя искать. Ах, эта чертова женщина, не знаю, чем я заслужил подобную участь!

Уэзерби повернулся было, чтобы удалиться, но вдруг резко бросил:

– И кстати, ты мог бы хоть чуточку повежливее общаться с крошкой Грантворт! Она стоит целое состояние и намного красивее той девчонки Дарнби. У Мэри одно из самых больших приданых на ярмарке невест в этом году, и ты ей явно нравишься. Обязательно позабочусь о том, чтобы ты отправился на ту чертову ярмарку, о которой она говорила. Я хочу увидеть наследника от тебя прежде, чем умру. Надеюсь, я достаточно ясно выражаюсь?

Когда дверь конюшни захлопнулась, Линдсей оглянулся на Анаис, и его красивое лицо исказила гримаса стыда.

– Он просто пьян, – тихо промолвила Анаис, вытягивая из волос запутавшиеся там ниточки сена. – Он не понимал, что говорил.

Это было то же самое оправдание, которое Анаис регулярно слышала от Линдсея еще в ту пору, когда они были детьми. И она презирала эти слова, хотя сама только что произнесла их. На самом деле никакого оправдания столь никчемному человеку не существовало. Маркиз всегда пребывал в состоянии чрезмерного, непристойного опьянения. Гораздо чаще, чем Анаис хотела признать, она замечала, как набравшийся Уэзерби валился с ног или бесстыдно щупал женщин за спиной собственной жены.

Но даже в самые возмутительные моменты Анаис не могла осуждать Линдсея за попытки смягчить впечатление от постыдного поведения его отца. В конце концов, она точно так же поступала с той, что произвела ее на свет. Анаис справлялась с этим позором, не защищая поступков матери, а просто вычеркивая ее из своей жизни. Анаис мирилась с подобным унижением, притворяясь, будто у нее вовсе нет матери. Что же касалось самой родительницы, то она, похоже, была счастлива лишней раз не пересекаться с дочерью.

– После того, что между нами сегодня произошло, ты должна знать: я не питаю ни малейшей симпатии или страсти к Мэри Грантворт, – признался Линдсей, и Анаис улыбнулась, обрадованная его словами. – Она хотела, чтобы ты поверила, будто мы прогуливались вместе и обсуждали нечто сокровенное. Но правда, Анаис, заключается в том, что я встретил Мэри, когда она выходила из аптеки, и поговорил с ней от силы минуту.

– Спасибо за то, что сказал мне это, Линдсей. Хотя тебе и не стоило оправдываться.

– Нет, я должен был объяснить. Пока мой отец талдычил о женщинах и этой Мэри Грантворт, я был вне себя от волнения, боялся, что ты возненавидишь меня и согласишься тому, что он говорит. Я пришел в ужас от мысли, что, когда я наконец-то смогу остаться с тобой наедине, ты не согласишься мне. Не согласишься, когда я скажу, что ты – та единственная женщина, которую я буду желать всегда, всю свою жизнь!

Холодность, которая неожиданно начала зарождаться в ее душе, тут же улетучилась. Успокоившись, Анаис приподнялась на цыпочки и нежно коснулась губами его губ.

– Я верю тебе, Линдсей.

– Я не такой, как он, Анаис. Я – не мой отец. Я не разделяю его пороки.

Анаис взяла лицо Линдсея в ладони, заставив его посмотреть ей в глаза. Любимый обещал, что никогда не скажет Анаис ни одного лживого слова, и она верила ему.

– Ты не такой?

– Нет. Я... – Глаза Линдсея вдруг приняли нечеткое, абсолютно нечитаемое выражение, и он попытался, из последних сил попытался – Анаис это точно знала – сфокусировать свой взгляд, придав ему твердости. В итоге это Линдсею не удалось, и он, глядя через ее плечо куда-то на стену, произнес: – Клянусь. Я не такой, как он.

Что-то заныло в душе Анаис, но тревожное чувство быстро уступило место великой любви, которую она питала к Линдсею, и потребности верить ему. Анаис, казалось, могла справиться со всем, о чем он так боялся говорить ей. Ничто не могло помешать ей любить Линдсея, ничто. В этот момент все представлялось слишком новым. Им двоим требовалось время, чтобы привыкнуть к тому, что теперь происходило между ними.

– Тогда все будет хорошо, правда? Линдсей кивнул, проведя подушечкой большого пальца по губам Анаис.

– Все уже хорошо, – сказал он твердо, так, словно пытался убедить в этом самого себя, а не ее. Он сжал в ладонях лицо Анаис и, прислонившись к ее лбу своим, взглянул ей в глаза. – Нас связывают крепкие узы, и они не должны оборваться. Пообещай мне... – с волнением произнес Линдсей, еще крепче сжимая щеки Анаис. – Пообещай, что та цепь, которая связывает нас, никогда не разорвется.

– Я всегда была связана с тобой. Мое сердце навечно будет принадлежать тебе, Линдсей. Никогда не забывай об этом.

– Твоя доброта необходима мне, как воздух, Анаис. Ты нужна мне, только ты способна удержать меня от превращения в собственного отца.

– Ты никогда не будешь таким, Линдсей.

– Поклянись мне, Анаис. Поклянись, что всегда будешь такой для меня. Скажи, что никогда не изменишься.

– Я клянусь тебе, Линдсей.

– И ты будешь вспоминать обо мне сегодня ночью?

– Буду. А ты станешь думать обо мне, Линдсей?

– Твой аромат остался на моей руке. Твой вкус – на моем языке. Я никогда не забуду, Анаис, никогда...

Глава 3

– Ты что-то скрываешь!

Анаис подняла глаза от пурпурно-золотистого шелка, лежавшего на коленях. Ребекка, ее самая близкая в Бьюдли подруга, прошлась по комнате, показавшись даже не привлекательной – сияющей. Ребекка выглядела весьма экзотично со своими локонами соболиного цвета и янтарного оттенка миндалевидными глазами, обрамленными густыми черными ресницами.

Анаис молча смотрела на Ребекку, которая плюхнулась на кровать и подперла подбородок тоненькой, как у куклы, ручкой. Внешне подруга была полной противоположностью Анаис. Единственное, в чем Ребекка испытывала недостаток, были состояние и семейные связи. Но этот факт, казалось, совсем не отпугивал многочисленных поклонников, которые пытались ухаживать за Ребеккой на протяжении многих лет. Сколько раз Анаис стояла в сторонке, одинокая и никем не замеченная, наблюдая, как подруга очаровательно улыбается очередному отъявленному мерзавцу, следующему за ней по пятам! Как же Анаис тогда хотелось обладать хоть частичкой красоты Ребекки! Анаис не думая отдала бы все свое приданое за одну лишь крупницу обаяния и томного облика необычайно привлекательной подруги.

– Что ж, – с вызовом бросила Ребекка, поднимая идеально очерченную бровь, – ваша прогулка верхом длилась чересчур долго. Что, ради всего святого, делал с тобой лорд Реберн после того, как практически похитил тебя из гостиной?

Уголки губ Анаис приподнялись в легкой улыбке. Подумать только, а она и забыла, что Ребекка присутствовала на званом ужине...

– Ну-ка, Анаис, выбалтывай свои секреты! Я знаю, что у тебя было страстное свидание в конюшне!

– И что заставляет тебя так думать? – Анаис вспомнила взволновавший ее момент, когда она услышала грохот снаружи конюшни и заметила фигуру, метнувшуюся от окна. А что, если Ребекка шпионила за ней? Но зачем?

– Анаис, мы так давно с тобой дружим! Когда ты вернулась в гостиную после длительного отсутствия, все признаки пылких объятий бросались в глаза! Твое лицо стало пунцовым, а твои губы, – дразнящим тоном сказала Ребекка, – казались чересчур розовыми и опухшими. Или тебя ужалила пчела в феврале, или тобой пылко овладели, доставив несказанное удовольствие! Так что не томи меня больше в неизвестности. Я просто сгораю от нетерпения, так хочу узнать, что же произошло между вами!

Анаис вспыхнула и воткнула иглу в пурпурный шелк, пытаясь унять дрожь в руке и боясь неровно подшить кайму. Она хотела, чтобы этот маскарадный костюм был безупречным.

– Анаис, – все так же, поддразнивая, не унималась Ребекка, – мы дружим с незапамятных времен, ты знаешь. Тебе не удастся скрыть от меня правду. Он поцеловал тебя, не так ли?

– Может быть, – отозвалась Анаис, не в силах сдержать широкую улыбку, в которой невольно расплылись губы.

– Ах ты, злодейка! – вскричала Ребекка, слетая с кровати и вырывая ткань из рук подруги. – Ты скрывала это от меня целых два дня! Расскажи же мне все! Это было боже-ственно? У него сильные губы?

– Ребекка, я абсолютно уверена в том, что ты и сама знаешь: это было истинное блаженство. В конце концов, тебя целовали уже много раз.

– Да, но меня не целовал никто столь же очаровательно-порочный, как лорд Реберн.

По некоторым причинам Анаис не хотела обсуждать Линдсея с Ребеккой. Не потому, что не доверяла подруге, боялась, что та неосторожно проболтается и поведаст всем ее секрет. Анаис безоговорочно полагалась на Ребекку. Но понимала: то, что произошло между ней и Линдсеем, должно было остаться тайной исключительно их двоих.

– Ну же! – настаивала нетерпеливая Ребекка.

– А еще я абсолютно уверена в том, что лорд Броутон столь же очаровательно-порочен, Ребекка. Думаю, тебе давно пора выяснить, когда же он собирается сделать тебе предложение.

– О, боюсь, лорд Броутон – самый благочестивый из всех джентльменов. «Очаровательно-порочный» – я бы не прибегла к этому выражению, чтобы описать его.

Нахмурившись, Анаис подумала о мужчине, который ухаживал за Ребеккой. Гарретт, лорд Броутон, был истинным джентльменом. Красивый и богатый, Гарретт слыл желанной добычей мечтавших о замужестве барышень и их мамаш. Да, он был джентльменом, скромным и склонным к тихой рефлексии, это правда, но нельзя было отрицать и того, что Ребекка привлекала его внимание.

– Что это ты делаешь? – вдруг спросила Ребекка, проводя пальцем по золотистой тесьме, которую Анаис так сосредоточенно пришивала к пурпурному шелку.

– Готовлю костюм для сегодняшнего маскарада.

– Ты говорила мне, что оденешься пастушкой. Я думала, что твоя мать уже придумала для тебя костюм.

– Я не напялю на себя это отвратительное, уродливое чудовище. – Анаис бросила взгляд на костюм, висевший на двери ее платяного шкафа. – В этой юбке с кринолином я буду выглядеть широкой, как фрегат.

Ребекка окинула костюм критичным взглядом:

– Он просто омерзительный, не так ли?

– Я его не надену.

– Тогда в чем же ты пойдешь?

– Я собираюсь нарядиться одалиской.

Рот Ребекки изумленно приоткрылся, и она поспешила резко его захлопнуть.

– Ты ведь знаешь, кто такая одалиска, верно? И ты понимаешь, что тебе придется обнажиться довольно... – Взволнованная Ребекка глотнула и выразительно посмотрела на подругу. – Тебе придется обнажиться чуть ли не целиком, Анаис.

– О, я добавлю в костюм соответствующие детали, которые позволят мне прилично выглядеть в светском обществе, – не беспокойся об этом. Зато из достоверных источников знаю, что буду выглядеть гораздо привлекательнее в костюме одалиски. Эту идею подал Линдсей, и мне хочется ему угодить.

Глаза подруги с сомнением округлились.

– Не могу поверить, что это именно Реберн так себя ведет! Хорошо-хорошо, не то чтобы ему не следует считать тебя привлекательной, – поспешила оговориться Ребекка. – Просто после всех этих лет... когда вы так долго были лишь... понимаешь, казалось, будто вас не интересуют отношения подобного рода...

Последние слова Ребекка произнесла почти шепотом, а потом и вовсе ошеломленно смолкла.

– Я сама едва ли могу в это поверить. О, Ребекка, но я действительно не сомневаюсь в том, что он любит меня. Я ему верю, он говорит, что мы обязательно поженимся!

– Ты так уверена в этом, Анаис? Мне бы не хотелось видеть тебя разочарованной!

Что-то в словах Ребекки заставило кровь Анаис застыть в жилах. Зловещие вихри сомнения закрутились в глубине души, медленно подавляя только начавшую зарождаться уверенность. Но Анаис тут же выбросила все дурные мысли из головы. Линдсей так хотел ее... Она видела это в его глазах, слышала в его голосе, явственно ощущала в его прикосновениях.

– А ну-ка, не вешай нос! Давай не будем задерживаться на мрачных мыслях. Конечно, он любит тебя, Анаис. Да и как может быть иначе? Ты многие годы ходила за ним по пятам, не отставая ни на мгновение. Это был лишь вопрос времени, когда лорд Реберн споткнется о тебя и обратит внимание на твое присутствие.

Так что же, это и есть объяснение тому, что между ними произошло? Линдсей просто смилостивился над ней, пожалел? Неужели его настолько утомило то, что Анаис вечно крутилась поблизости? А что, если он всего-навсего покорился неизбежному и наконец-то уступил заветному желанию своей матери – идее фикс своей матери, которую та даже не пыталась скрывать?

– Анаис, – раздался голос ее сестры Энн. – Тебе письмо.

– Скорее! – Анаис вскочила со стула, быстро сгребла разложенную на кровати пурпурно-золотистую юбку и бросила подруге. – Помоги мне это спрятать.

С помощью Ребекки Анаис засунула костюм в мешок из грубого муслина за пару секунд до того, как дверь широко распахнулась, и в комнату ворвалась ее четырнадцатилетняя сестра. Локоны Энн разметались, щеки ярко горели от волнения.

С этим слегка вздернутым носиком и своими сверкающими светло-голубыми глазами младшая сестра напоминала беспокойного маленького эльфа. Миниатюрная Энн казалась хрупкой и легонькой, ее волосы были светлее, серебристее и прямее завитушек Анаис. Кожа младшенькой напоминала фарфор, а черты ее лица, несомненно аристократические, несли на себе и отпечаток некоторой хрупкости, что делало облик девчужки прямо-таки эфирным, воздушным. И все же Энн не выглядела существом бесплотным и неземным – все благодаря оживленному, задорному нраву.

В один прекрасный день Энн Дарнби должна была стать потрясающе красивой и превратиться в самую популярную, самую желанную женщину Англии. Анаис уже не могла дожидаться, когда же настанет этот момент и любимая сестра найдет мужчину своей мечты.

– Это валентинка! – возвестила Энн, и ее голос дрогнул от волнения.

Анаис потянулась к письму в красной обертке и нетерпеливо вырвала его из рук сестры. Отвернувшись, она развернула обертку и обнаружила под ней аккуратно сложенный кусок плотной веленовой бумаги в форме сердца.

«Твой паша ждет тебя. В полночь, на террасе».

– Ну, что там? – взволнованно спросила Ребекка. – От кого это?

– От поклонника? – застенчиво поинтересовалась Энн. – Так у тебя есть тайный воздыхатель, Анаис?

– Энн, не будь такой несносной, не глупи! – упрекнула мать, показавшись у двери. Лицо родительницы в мгновение ока приняло строгое выражение, стоило ее пристальному взгляду остановиться на Анаис. – Разумеется, у твоей сестры нет никакого поклонника, не строй из себя дурочку, Энн!

Красивые глаза матери стрельнули в сторону Анаис, и она заметила вспыхнувшее в них знакомое выражение недовольства.

Анаис прекрасно знала, что была главным разочарованием своей матери. «Подумать только, такое восхитительное, страстное имя досталось столь некрасивому, заурядному существу!» – это замечание Анаис слышала множество раз, причем произносилось оно, как правило, резким голосом матери.

А сколько раз Анаис нечаянно слышала, как во время бала кто-то говорил о том, что должна найтись по крайней мере одна неприметная простушка среди красивых женщин семейства Дарнби? Истина заключалась в том, что подобные разговоры не причиняли бы Анаис такой боли, если бы ее не постигло несчастье уродиться той самой простушкой.

Ее старшая сестра, Эбигейл, которая повсюду слыла ослепительной царицей бала и теперь звалась графиней Уэстон, считалась главной красавицей семьи – не го воря уже о том, что она была любимицей матери. Та никогда не упускала шанса напомнить Анаис о красоте Эбигейл, ее высоком статусе, о том, что старшей сестре удалось заманить в свою ловушку

самого завидного жениха. Теперь воплощенной красотой семьи в противовес «простушке» Анаис стала Энн – она была даже привлекательнее Эбигейл, хотя и, хвала небесам, гораздо менее самодовольной.

– Ну а теперь, девочки, пришло время собираться на Торрингтонский маскарад. Анаис, тебе, моя дорогая, потребуется немало времени, если мы хотим, чтобы ты выглядела подобающим образом. Самое важное – это замужество, Анаис, – поучала мать, махая идеально макияжированным пальчиком перед носом средней дочери. – Ты должна помнить, что выгодный брак – главная цель в жизни благовоспитанной молодой леди. Ты уже находишься в невыгодном положении. Сейчас, в твои годы, ты проигрываешь – видишь ли, просто невозможно найти кого-то подходящего со всеми этими дебютантками, начавшими выезжать в свет в этом сезоне.

– Мама... – Боже праведный, как же Анаис ненавидела, когда ее мать говорила подобные вещи в присутствии Ребекки!

– А что, ведь это правда! На следующей неделе тебе исполнится двадцать восемь, и без приданого в твою сторону вряд ли кто-нибудь посмотрит. В мое время женщина в таком возрасте моментально оказывалась не у дел. Задумайся, к двадцати пяти годам я уже родила своему мужу двоих детей!

– Мама...

– Да посмотри хотя бы на Ребекку! Бедна, как церковная мышь, к тому же ее семье явно недостает нужных связей. Если бы не наша с твоим отцом помощь, если бы не поддержка ее дяди, ей пришлось бы стать гувернанткой. Но, несмотря на все преграды, она сумела произвести фурор в светском обществе и даже привлечь внимание джентльмена, известного своей исключительной разборчивостью. Обаяние и красота Ребекки заставили лорда Броутона забыть о том, что у нее нет денег и семейных связей. Ты уж прости меня за столь откровенный разговор, моя дорогая, – полным раскаяния шепотом обратилась мать к Ребекке. – Понимаешь, я лишь пытаюсь заставить Анаис осознать, что недостаточно быть богатой, нужно еще и обладать красотой.

– Ни один человек не волен решать, каким уродится – красивым или нет, – тихо произнесла расстроенная Анаис, нервно перебирая пальцами ткань своей юбки.

– Верно, с этим не поспоришь, – согласилась мать, глядя ее по льняным локонам. – Но по крайней мере, можно постараться поработать над своими внешними данными.

– А я думаю, что Анаис красивая, – встала на защиту сестры Энн.

– Собирайся, Анаис, – поторопила мать, высокомерно вскинув подбородок и пропуская мимо ушей замечание младшей дочери. – Ребекка, дорогая, твой дядя прислал за тобой карету. Она ждет тебя на дорожке перед домом.

Уже потянувшись к дверной ручке, мать бросила резкий взгляд и предупредила:

– Не заставляй меня ждать, Анаис.

– Я думаю, что ты восхитительна, Анаис, – с гордостью произнесла упорно стоявшая на своем Энн. – К тому же я подслушала, как Линдсей говорил лорду Уоллингфорду, что считает тебя совершенством, идеальным сочетанием красоты и разума. Он называл тебя своим ангелом. Мне кажется, он собирается сделать тебе предложение. И я действительно верю...

– Довольно, Энн, – оборвала мать, метнув в младшую дочь сердитый взгляд. – Видит Бог, я ничего не желала бы больше! Ах, если бы он женился на Анаис и избавил бы меня от забот о ней! Но, увы, теперь нам нечего на это рассчитывать, нет ни малейшего шанса. Если он не сделал предложение после всех этих лет, ничто не заставит его сподобиться на это сейчас.

– Мама, я слышала...

– Хватит, я сыта по горло этой ерундой. Никакого тебе заварного крема после ужина.

– Но, мама! – вскричала Энн.

– Ты немного раздаешься в талии, Энн. Один вечер без хлебного пудинга пойдет тебе на пользу. Ты должна быть сознательной, следить за своим телом. Фигура, подобная твоей,

способна произвести на мужчину сильное впечатление. Поэтому тебе так важно сохранить ее, необходимо тщательно об этом заботиться. – Продолжая читать нотации, мать спешно удалась из комнаты вместе с Энн, громко протестовавшей по поводу потери своего обожаемого пудинга.

– Так что в письме, Анаис? – снова спросила Ребекка.

– Он хочет встретиться со мной! – взволнованно ответила Анаис и, мигом забыв о придирах вечно недовольной матери, показала подруге валентинку, написанную Линдсеем.

Ребекка прочла послание и подняла на Анаис свои янтарного оттенка глаза, горевшие странным светом.

– Как мило.

– А что ты наденешь сегодня вечером? – поинтересовалась Анаис, метнув беспокойный взгляд в сторону мешка с костюмом подруги, лежавшего у двери. – Как я узнаю тебя в толпе?

– Не бойся, ты обязательно меня найдешь, – простонала Ребекка, потянувшись к муслиновому мешку, который бросила на пол, как только пришла. – Миссис Баттон сообщила дяде, что у нее есть для меня прекрасный костюм. И разумеется, мой дядя, насколько тебе известно, потокает всем без исключения желаниям миссис Баттон.

Ребекка вытащила из мешка старое коричневое одеяние и протянула подруге.

– Монахиня? – поперхнулась Анаис и рассмеялась, представив Ребекку в этом бесформенном коричневом мешке.

– Хм... Уверена, этот костюм не вдохновит лорда Броутона на то, чтобы осмелиться войти в царство порока.

– Ты не знаешь этого наверняка, – поддразнила Анаис. – Ночь может преподнести сюрпризы.

– Как же ты права, Анаис! – тихо отозвалась Ребекка, забирая свой мешок, лежавший на кровати. Она запахнула внутрь коричневую тунику и ослепительно улыбнулась. – Нужно использовать те шансы, что посылает нам судьба.

Опустившись на красный бархатный диванчик, Линдсей закинул широко разведенные руки на спинку. Потом обвел взглядом маленькую комнату, ставшую его спасением от всей этой театральщины, господствовавшей в танцевальном зале этажом ниже.

Воздух в гостиной был спертый от вьющегося дыма, тяжелым от запаха разлитого кларета и турецкого табака. Вокруг в беспорядке валялись многочисленные подушки, курились благовония, жаровни горели, испуская удушливый, почти чувственный аромат, слишком хорошо знакомый Линдсею. Пьянящее благоухание чистейшего турецкого опиума наполняло комнату, покрывая его хмельным облаком.

В центре гостиной, одетый пашой, сидел граф Уоллингфордский, самый старший отпрыск герцога Торрингтонского. Уоллингфорд считался гулякой и бездельником высшего порядка, а еще он был очень хорошим другом.

– А я все гадал, когда же ты ускользнешь из тисков всех этих бредящих замужеством дебитанток, которых так жаждал пригласить на маскарад мой отец, – с усмешкой сказал Уоллингфорд. – Девственницы так чертовски скучны и утомительны! Дайте мне куртизанку с опытом и умением, чтобы встряхнуться после общества жеманной, стыдливой девственницы!

– Признаю, это было нелегкое испытание – избежать их ловушек, но я справился, – засмеялся Линдсей, подумав о несметном числе молодых леди, которые пытались загнать его в один из множества темных укромных уголков танцевального зала. Девственницы могли быть неопытными в спальне, но, когда речь шла о поиске выгодной партии, они превращались в мастериц манипуляции.

– Ну, что ты об этом думаешь, дружище? – спросил Уоллингфорд, размашистым жестом обводя убранство гостиной, которая недавно была отремонтирована и декорирована в восточ-

ном стиле. В стиле, который ныне слыл последним криком моды среди художников и поэтов, считавших себя представителями романтизма, подобно Байрону и Шелли. – Тебе наконец-то удалось привить мне свои вкусы, Реберн, я превратился в заправского турка, – с резким язвительным смешком бросил Уоллингфорд. – О, я знаю, эта гостиная явно не дотягивает до твоей шикарной комнаты, но для начала неплохо, ты согласен?

– Точно, так и есть, – отозвался Линдсей, вдыхая пьянящий аромат, исходящий от горячей рядом с ним ароматической палочки. Линдсей склонился над ней, втянул ноздрями дым, благодарно вздохнул и снова опустился на мягкие диванные подушки, чувствуя, как сковавшее живот мучительное желание медленно нарастает, а потом стихает.

– Я остался весьма доволен результатами. Без сомнения, эта гостиная сослужит хорошую службу, когда нам вздумается искать удовольствий. И разумеется, я был еще более очарован этой комнатой, когда увидел, в какую ярость привела она моего отца. – Уоллингфорд издевательски растягивал слова, на его губах играла хищная улыбка. – Это заставило папашу задуматься, что я сделаю с домом, этим чудовищем в готическом стиле, как только он отправится к праотцам. Признаюсь, я обожаю мучить его предположениями о том, что может произойти после его кончины. Может быть, я превращу это место в бордель или, еще лучше, в притон курильщиков опиума, где распутники и лентяи могли бы вальяжно развалиться и обкуриваться вволю. Конечно, вокруг будут возлежать леди, делая обстановку намного более развратной, как ты думаешь? Уж это обязательно заставит старого козла перевернуться в могиле! Впрочем, довольно о моем отце. Пойдем выпьем, старина.

Последние слова Уоллингфорд произнес уже нечленораздельно, постепенно хмелея, и добавил:

– Нам нужно основательно набраться перед тем, как придется вернуться на этот скучный бал моего отца. Просто необходимо повысить градус!

– Я пас, – бросил Линдсей, заметив, как Уоллингфорд потянулся к руке молодой служанки, одетой в восточные шелка и чадру. Граф потянул ее к себе, рывком усадил на колени, и кларет выплеснулся через край его бокала, пролившись в бесстыдно выставленную напоказ ложбинку между грудями юной девушки.

– О, смотри-ка, – все так же нарочито медленно произнес Уоллингфорд, и его глаза порочно заблестели. – Новый способ потягивать свой обычный вечерний напиток.

Взрыв мужского смеха сотряс комнату, когда Уоллингфорд склонил голову к груди девушки и слизал струйку красного вина, сочившуюся между аппетитными холмиками служанки. Вместо того чтобы с негодованием отбиваться, девушка, очевидно профессиональная куртизанка, захихикала и прижала его лицо к своему декольте.

– Пойдем посмотрим, что еще может протечь между ними, – промурлыкал Уоллингфорд, заставляя себя подняться на нетвердые ноги. Его глаза ни на мгновение не отрывались от огромных, цвета слоновой кости холмов груди куртизанки.

Линдсей отвел взгляд от покидающей гостиную пары. Ему довелось быть свидетелем пьяных оргий с участием собственного отца – их было больше, чем Линдсей мог сосчитать. И теперь у него не было ни малейшего желания наблюдать, как Уоллингфорд строит из себя дурака – точно так же, как и следовать за ним вниз, по шаткой дорожке хмельного небытия.

Окинув взглядом комнату и заметив, что несколько мужчин тоже предпочли уединиться с другими не возражающими против страстных ласк женщинами, Линдсей вздохнул и выдернул ароматическую палочку из деревянного, украшенного медью держателя.

Помахивая палочкой перед носом, Линдсей позволил закручивающимся струйкам ласкать его кожу, потом вдохнул запах, смакуя терпкий аромат, как истинный знаток. Букет был богатым, земляные ноты с легкими оттенками моха и сандалового дерева. Определенно, турецким. Ничто не пахло столь же крепко, как турецкий опиум.

Закрыв глаза, Линдсей откинул голову на спинку дивана и бросил взгляд на часы. Полночь еще не наступила. Придется немного подождать, прежде чем он встретится с Анаис на террасе. Линдсей думал о возлюбленной, вспоминая, как она выглядела там, в конюшне, когда стояла перед ним, полностью обнаженная. Какой же она была красивой с этими своими медово-белокурыми волосами, разметавшимися по плечам, широко распахнутыми голубыми глазами – восхитительными глазами, всегда полными жизни и задора! Линдсей с наслаждением вызывал в памяти воспоминания о ее пышных, с розовыми верхушками грудях и восхитительно-округлом холмике ее живота. Он явно провел недостаточно времени, поклоняясь этому мягкому животу, а еще не позволил себе задержаться подольше на нежной впадине между ее бедрами...

Линдсей пристально смотрел на представший перед мысленным взором мягкий треугольник, самую сокровенную частичку тела Анаис, где сходились ее пышные бедра и соединялись покрывавшие соблазнительный холмик мелкие завитки. Это было загадочное, непостижимое место – место, неудержимо манившее его, место, созданное для его губ, его пальцев, его члена. Боже праведный, как же сильно Линдсей воцарился Анаис! Каких-то пару ночей назад он овладел ею дважды. И вместо того чтобы умерить его желание, это лишь разожгло его страсть, его потребность быть с ней.

Сколько же времени прошло с тех пор, как Линдсей впервые захотел затащить Анаис в свою постель? Ему было шестнадцать. Вот как долго он мечтал об этой девушке! Четырнадцать долгих, мучительных лет – все эти годы он видел ее, слышал ее, был с ней рядом. Он провел очень много лет, страстно желая давнюю подругу, представляя у всех женщин, с которыми делил ложе, ее лицо.

Он ждал слишком долго, со вздохом подумал Линдсей, бросая использованную ароматическую палочку на стол. Да, он потратил впустую слишком много лет. Но он не был уверен – ни в ней, ни в себе самом.

Ровно до того сладостного момента, две ночи назад, Линдсей не знал, что на самом деле думает о нем Анаис. Пока Линдсей учился в Кембридже, она присылала ему письма – эти послания были неизменно сердечными и доверительно-личными, хотя оставались в рамках приличия. Линдсей никак не мог понять, что же по-настоящему творится в сердце Анаис, – и это несмотря на то, что он провел множество ночей, внимательно перечитывая ее письма и пытаясь отыскать в них хоть малейший признак того, что она питает к нему ответные чувства.

Линдсей, в свою очередь, бесчисленное количество раз начинал письма, объясняясь Анаис в любви, признаваясь в своей физической потребности обладать ею. Доверял свои сокровенные чувства бумаге, но потом комкал письма и бросал их в огонь, боясь, что эти сладострастные чувства и поступки заставят Анаис отвернуться, навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Так и выходило, что Линдсей долго выжидал подходящего момента, пытаясь убедиться в том, что Анаис отвечает ему взаимностью.

Но Линдсей сомневался не только в ней. Он волновался о том, достоин ли сам такой возлюбленной.

Анаис могла казаться застенчивой и даже немного пугливой молодой женщиной, но одновременно она была благовоспитанной, получившей прекрасное образование леди, которая знала себе цену. Она не походила на других окружавших Линдсея женщин – напыщенных, беспокоящихся лишь о деньгах и моде. В этом и заключалась особая красота Анаис. У нее не было ни малейшего представления о том, насколько чертовски желанной и очаровательной она была, эта скромница не умела пользоваться преимуществами своего чувственного, пышного тела, чтобы получать то, что хотела. Анаис не относилась к подобному, расчетливому типу женщин. Она твердо, с непоколебимой верностью отстаивала свои убеждения. Для Анаис существовали только белое и черное, добро и зло.

В ее жизни не существовало никаких оттенков серого – а большая часть жизни Линдсея была не чем иным, как серой пеленой тумана. И все же, какой бы непреклонной ни казалась

Анаис в своих взглядах на правильное и неправильное, она была доброй, заботливой, вдумчивой и восхитительно-невинной. Попросту говоря, Анаис была ангелом для него, сущего демона.

Ее дружба значила для Линдсея все, была всем его миром. Он ценил эту дружбу как редчайшую из драгоценностей. Он доверял Анаис такое, о чем никогда не поведал бы больше никому, ни одной живой душе. Она знала Линдсея в большей степени, чем кто-либо другой на всем белом свете, и это вряд ли когда-нибудь изменилось бы. В Анаис было нечто располагавшее к открытости и искренности. Ей всегда удавалось утешить Линдсея, заставить его почувствовать себя спокойным, безмятежным, любимым...

Осознавала это Анаис или нет, но она заняла важное место в сердце Линдсея, так глубоко обосновалась внутри, что казалось, навеки поселилась в его душе. Она готова была находиться рядом, несмотря ни на что, пройти вместе с Линдсеем сквозь огонь и воду, невзирая на явное отвращение к его отцу и его распутному поведению.

Сколько раз Линдсей говорил Анаис о своем отце? Как боялся, что может вырасти таким же? И как часто Анаис убеждала Линдсея, что он – не его отец? Сколько твердила о том, что Линдсей ни за что не переймет слабостей и пагубных привычек родителя?

Анаис безоговорочно верила в человека, которым был Линдсей, – человека, которым, как она знала, он мог быть. И Линдсей никогда не совершил бы ничего, что могло бы пошатнуть это доверие, потому что понимал: потеряй он веру Анаис, и у него не останется вообще ничего. Без Анаис он станет лишь сыном собственного отца – и, увы, не только по крови.

– Добрый вечер, Реберн.

Открыв глаза, Линдсей заметил Гарретта, лорда Броутона, который откинул назад фалды своего фрака и уселся рядом на диванной подушке.

– Добрый вечер, Броутон.

– Занятое местечко для распутства, не так ли?

– Хм... – пробормотал Линдсей, потом зажег еще одну ароматическую палочку и протянул ее другу, который отрицательно покачал головой. Линдсей безразлично пожал плечами и принялся помахивать палочкой с запахом опиума под носом, вдыхая вьющийся дым.

– Не знаю, как ты выносишь эту дрянь, – закашлялся Броутон. – Черт возьми, я чуть не задохнулся в тот самый момент, когда зашел в комнату! Эта гадость дьявольски одурманивает голову, и каждый раз, когда я ее вдыхаю, меня чуть ли не наизнанку выворачивает в ближайшую кадку с пальмой.

Линдсей снова закрыл глаза, позволяя своему разуму затуманиться, замедлить ход мыслей.

– Ничто так не расслабляет сознание, как немного высококачественного турецкого «рахат-лукума», Броутон. Он создан, чтобы поднимать настроение, переносить тебя в другое место и другое время. Это напоминает воплощение мечты, – тихо произнес Линдсей, вспоминая порочные грезы об Анаис, томившие его все эти годы. Страстные, чувственные мечты о том, как он занимается с ней любовью всеми возможными способами. Мечты о пылких любовных ласках и горячих, неистовых плотских утех.

– Боюсь, единственный турецкий рахат-лукум, которым я балуюсь, присыпан сахарной пудрой.

– Перестань быть таким отсталым, лучше закури! Пустишь облако дыма, и с тобой начинают твориться чудеса, понимаешь? «Волшебный туман» прогоняет хандру, рождает веру в лучшее, превращает страх в смелость и делает молчуна красноречивым. Тебя поразили бы вещи, которые ты можешь вообразить, когда дым ласкает твоё лицо. Черт, ты даже можешь обнаружить давно дремавшего поэта под собственной добропорядочной оболочкой.

– К сожалению, у меня совсем нет воображения, – проворчал Броутон.

Линдсей не был поэтом, но он определенно обладал живым воображением. Даже теперь, когда кровь загустела и медленнее потекла в жилах, Линдсей мог представить Анаис, стоящую на коленях, убажашающую его член своим ртом. Линдсей хотел видеть, как этот восхитительный розовый ротик обхватывает его толстый ствол. Он мечтал наблюдать за тем, как член блестит от прикосновений ее влажного рта и пульсирует от нетерпеливого желания обильно разрядиться на ее полные вздернутые груди.

– Мне не нужно ничего, чтобы расслабить свое сознание, благодарю. Да и тебе тоже, – принялся читать нотации Броутон. – Слушай-ка, а тебе уже не достаточно? – спросил он, и в его голосе вдруг послышалось беспокойство. – Ты выглядишь так, будто вот-вот уснешь.

– Не-а, – улыбнулся Линдсей, чувствуя себя обмякшим и расслабленным. Он мог уснуть, прямо в объятиях Анаис – собственно говоря, он так и сделает сегодня ночью, сразу после того, как хорошенько позанимается с ней любовью. Этой ночью он собирался пригласить ее домой – на диван, заваленный подушками. Он похитил бы ее, свою одалиску, и забрал в свой гарем. Он собирался раздевать ее, ласкать языком, жадно поглощать ее долгими часами.

Линдсей планировал все это с ней, своей возлюбленной, своей второй половинкой, ожидая ее и того момента, когда сделает ей предложение – это будет нечто запоминающееся, особенное. Линдсей представлял, как будет держать Анаис в своих объятиях – изнуренную ласками, обессиленную после страстной разрядки. Он воображал, как склоняется над любимой и нежно целует ее, предлагая руку и сердце. Но эта блаженная картина тут же сменилась ярким ощущением погружения в ее мягкое, распахнутое, ждущее, чтобы им овладели, тело. Линдсей уже видел себя, толчками продвигающегося глубоко внутрь, властно заявляя права на Анаис и наблюдая, как ее губы приоткрылись от блаженства. Он снова погрузился бы в нее и прошептал свое предложение. «Да, определенно, это должно произойти именно так», – подумал Линдсей, и эти мысли заставили его член томительно напрячься. Он сделает предложение, пронзив Анаис своим мужским естеством, в тот самый момент, когда она будет дрожать от оргазма. И когда он выплеснет в нее свое семя, она судорожным, охрипшим от страсти голосом согласится стать его женой.

– Милорды? – позвал ласковый женский голос.

– Нет-нет, благодарю вас, – пробормотал Броутон, в напряжении замирая на соседней подушке.

Линдсей открыл один глаз и бросил взгляд вниз, на пару кремового цвета груди, вываливавшихся из лифа украшенного бисером – лифа гурии, подумал он, заметив золотистое мерцание шелковой тесьмы, обрамляющей этот тесно обтягивающий бюст лиф.

– Попробуй это, Реберн, дружище! Турецкое лакомство, – усмехнулся Уоллингфорд с другого конца комнаты, когда его вечернее развлечение скользнуло тонкой ручкой вниз, к застежке брюк графа.

Линдсей открыл другой глаз и увидел, что гурия держит перед ним серебряный поднос. Взглянув в глаза наложнице, он увидел, как ярко те блестят. Линдсей видел эти глаза прежде, но никак не мог вспомнить где.

– Ну же, Реберн, – продолжал язвительно посмеиваться Уоллингфорд. – Попробуй кусочек! У греков есть их знаменитые виноградные листья, у турок – их «губы красавицы».

Безразлично пожав плечами, Линдсей потянулся к лежавшему на подносе бледно-желтому кружку в форме губ, напоминавшему маковый пирог.

– Думаю, вам больше придется по душе красный, – обольстительно промурлыкала гурия.

– Что ж, хорошо, – отозвался Линдсей, забирая с подноса другой, красный кусок пирога. Он засунул лакомство в рот и принялся жевать жесткий пирог. – Черт возьми, это ужасно, – пробормотал Линдсей Броутону, энергично работая челюстью. – Турки могут оставить эти «губы красавицы» себе. Я, несомненно, предпочел бы виноградные листья.

– Эта девушка кажется очень знакомой, – задумчиво произнес Броутон, внимательно следя за плавными передвижениями гурии по комнате.

– Возможно, она покажется еще более знакомой после проведенной с ней ночи? – с усмешкой бросил Линдсей.

Броутон стрельнул в него возмущенным взглядом:

– Могу я тебе напомнить, что ухаживаю за мисс Томас?

Линдсей снова пожал плечами и отвел взгляд. Это, конечно, его не касалось, но Ребекка Томас не представлялась исключительно хорошей партией для друга. Было в этой девушке нечто, чего Линдсей никак не мог понять и объяснить, но это ощущение казалось сомнительным, даже неприятным. Ему самому никогда не нравилась Ребекка. Она слыла интриганкой, умевшей ловко манипулировать людьми, к тому же бессердечной, равнодушной ко всему. Расчетливая холодность всегда читалась в ее глазах. Ну а кроме того, Линдсей не собирался смотреть сквозь пальцы на то, как циничная Ребекка пыталась вторгнуться в его нежную дружбу с Анаис.

«Ах, Анаис!» – спохватился Линдсей, пытаясь разглядеть в густеющем дыму циферблат часов.

– Ладно, мне пора, – сказал он, увидев, что стрелки приближаются к полуночи.

– И куда это ты собрался? – любопытствовал Броутон, когда Линдсей встал и принялся поправлять свой и без того безукоризненного вида жилет.

– Я уйду, чтобы встретиться с очаровательной молодой леди на террасе.

– Береги ее. – В голосе Броутона зазвучали предупреждающие нотки, но Линдсея это не особенно взволновало.

– Я люблю ее, Броутон.

– Я знаю, но иногда...

Линдсей понимал, что собирался сказать его друг:

«Иногда ты ведешь себя так, что становишься недостойным столь хорошей девушки, как Анаис Дарнби».

– Мои дни в Кембридже остались в прошлом, Броутон. Я больше не тот наглый гуляка, не тот прожигатель жизни, которого ты знал по университету. Тогда я пытался понять, чего хочу от жизни, искал свое место и, помнится, был весьма безрассудным. Но мне больше не нужно ничего искать. Я знаю, чего и, главное, кого хочу.

Броутон потянулся к Линдсею и схватил его за руку, не давая уйти.

– Только не совершай ошибку, полагая, что ты – единственный, кому она дорога. Я дружу с Анаис столько же, сколько и ты. И мне бы не хотелось, чтобы она ощущала себя так, будто с ней легкомысленно поигрались, а потом бросили.

– На что это ты намекаешь? – сердито стрельнул глазами Линдсей.

– Думаю, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, Реберн. Если твои намерения по отношению к Анаис не отличаются благородством, не стоит добиваться ее взаимности.

Линдсей смахнул цепкую кисть Броутона со своей руки.

– Я никогда не обреку ее на бесчестье.

– Хотелось бы в это верить. Надеюсь, ты станешь прикладывать усилия – всегда! – чтобы быть таким мужчиной, который ей нужен и которого она заслуживает.

Отрывисто кивнув и стиснув зубы, Линдсей повернулся и направился к двери, немного сбиваясь с пути в этом тяжелом пару, висевшем в воздухе.

Открыв дверь, он с облегчением вывалился наружу, мечтая глотнуть свежего воздуха и прочистить сознание от всей этой беспорядочной паутины, внезапно опутавшей мозг.

«Анаис, – думал Линдсей, прислоняясь к стене, чтобы вернуть себе равновесие. – Я не такой, как мой отец. Я достоин тебя. Я могу быть тем мужчиной, который тебе нужен. Клянусь».

– Добрый вечер, Линдсей.

Он обернулся. Коридор резко сузился, заставив Линдсея ощутить приближение тошнотворного обморочного приступа. Огни свечей замерцали неистово, безумно, словно соскочив со своих восковых подставок, и Линдсей тревожно отпрянул, увидев, как язычки пламени запрыгали к нему, угрожая приземлиться прямо на одежду. Видение рассеялось так же стремительно, как и возникло, сменившись калейдоскопом ярких кружащихся пятен цвета, затуманивших его взор.

Моргая, Линдсей поднял взгляд от черно-белого пола, который, казалось, немного колыхался под его ногами, как лента на ветру. А потом Линдсей увидел ее, Анаис, стоящую в конце коридора в изумительном, в высшей степени соблазнительном пурпурно-золотистом одеянии.

– Анаис? – не веря своим глазам, произнес Линдсей.

Он попытался сделать шаг вперед, но не смог, ноги не слушались. Ему никак не удавалось сфокусировать взгляд на возлюбленной, он едва ее видел.

Черт возьми, что с ним происходит? «Губы красавицы», – внезапно вспомнил он. Чем же накормила его та гурия? Совершенно точно, он никогда прежде не баловался ничем подобным. Никогда не употреблял ничего, что обладало бы таким мощным действием.

– Линдсей! – вскричала Анаис, тут же устремляясь к нему.

Линдсей поймал возлюбленную в свои объятия и прижал ее к стене. Его руки принялись жадно бродить по округлостям Анаис, восхищаясь нежной кожей ее бедра, мелькнувшего под низко посаженной юбкой. Пальцы Линдсея запутались в тонком, как паутинка, пурпурном шифоне, и он заурчал, благодарный Анаис за обольстительный костюм, вдруг почувствовав себя таким возбужденным, как никогда еще в своей жизни.

– Поцелуй меня, – промурлыкала она тихим, гипнотическим голосом, который заставил его уже успевший затвердеть член прямо-таки вздыбиться в брюках. – Поцелуй меня, Линдсей, – повторяла она снова и снова, словно исполняя обольстительную песнь сирены.

Он отыскал уста Анаис и поцеловал ее, сначала медленно, потом более жадно, чувственно, ощущая, как она скользнула языком между его губами. Линдсей застонал, когда соблазнительница потерлась своим сокровенным холмиком о его пульсирующий вздыбленный ствол. Линдсей уже не мог себя сдерживать. Его кровь бурлила. Тело казалось вялым, расслабленным, словно Линдсей уже провел в постели уйму времени, словно они с Анаис уже вернулись из его спальни, а не стояли в коридоре, где их мог случайно увидеть кто угодно.

Она застонала и потянулась к оттопырившимся брюкам Линдсея, принявшись смело поглаживать его главное достоинство. Черт возьми, где скромница Анаис всему этому научилась?

– Прикоснись ко мне, Линдсей. Ласкай меня своим ртом, как тогда, в конюшне.

– М-м-м, да... – отозвался он, чувствуя, как пол снова уходит из-под ног. Опустив ее лиф, Линдсей взял в ладони соблазнительные округлости. И, открыв глаза, с трудом попытался сосредоточить взгляд на бледных грудях в его руках. Но вместо двух пышных, округлых полушарий перед глазами маячили четыре расплывчатых небольших мячика с неистово колебавшимися, будто танцующими сосками. Линдсей принялся моргать, силясь зафиксировать двоящееся изображение, чтобы припасть губами к Анаис и неистово ласкать ее груди, но чем больше он моргал, тем больше расплывалась перед глазами картинка.

– Попробуй меня на вкус, Линдсей, – подстегнула обольстительница, заполняя его ладони своими грудями, теми самыми грудями, что две ночи назад казались ему намного больше. Впрочем, теперь Линдсей явно пребывал не в здравом рассудке. Что-то неведомое управляло им. Даже в этой смутной пелене он не сомневался в том, что не одна только сила страстного желания стремительно неслась по его венам.

Линдсей попытался отбросить прочь все сомнения, все эти странные мысли. Он не должен овладевать Анаис прямо здесь, это было бы неправильно. Ради всего святого, он и так забрал ее девственность в конюшне, нельзя теперь взять Анаис вот так, у какой-то стены! Но

он не мог сказать это собственному члену. Линдсей сгорал от желания быть с ней, погрузиться в ее соблазнительное, сочное тело. Он должен был услышать, как с уст Анаис слетает его имя, когда она закричит от блаженства. Ему нужно было услышать, что она любит его.

Давние страхи вдруг принялись настойчиво заползать в сознание Линдсея. Он отмахнулся от тягостных мыслей, но они вернулись, еще более упрямые, более ясные и убедительные. Нет, он не такой, как его отец. Линдсей никогда не погубил бы Анаис так, как его отец погубил его мать. Он любил Анаис. И знал, что будет любить ее вечно.

Желая показать Анаис всю силу своей страсти, Линдсей склонился к ее грудям и взял один из сосков в рот. Он жадно посасывал этот розовый холмик до тех пор, пока любимая не вцепилась ему в волосы пальцами и сладострастно не зашептала его имя, щекопча сбившимся дыханием его висок.

– Ты нужна мне, Анаис, – резко, судорожно бросил Линдсей. – Ты так мне нужна...

И все-таки что-то было не так. Он никак не мог отмахнуться от этой навязчивой мысли, снова и снова предательски вползавшей в голову, несмотря на все волшебство прикосновений Анаис. Определенно с его возлюбленной что-то происходило, что-то неправильное. Ее тело под пальцами Линдсея ощущалось не так восхитительно, как прежде – Анаис казалась слишком худой. А ему хотелось чувствовать ее такой, какой она была той ночью в конюшне – со всеми ее округлостями, мягкостями, пышными, чувственными формами.

– Скажи мне, – упрасивала чаровница, сжимая его член так, что Линдсей стонал от наслаждения и сладостной боли. – Скажи мне, что это намного лучше, чем в первый раз.

Он не мог отказать Анаис – не сейчас, когда она поглаживала его твердое копые через брюки. Он готов был взорваться, и все же его разум продолжал сопротивляться. Но Линдсей хотел доставить ей удовольствие. Черт возьми, как же сильно он хотел быть именно таким мужчиной, которого жаждет Анаис! А еще он отчаянно нуждался в разрядке. Боже, он больше не мог выносить эту чувственную пытку! Сейчас ему требовалось выплеснуть семя в руку Анаис и прижаться лицом к ее сладостно благоухающему горлу.

Она расстегнула брюки Линдсея, скользнула рукой внутрь и, найдя его член, принялась водить пальчиком вокруг влажной головки.

– Как же ты возбуждился! Ты весь мокрый, уже изливаешь свое семя.

Член напрягся еще сильнее, и Линдсей толкнул бедрами вперед, вдохновляя ее не прерывать нежные поглаживания. Он никак не мог поверить, что его застенчивая крошка Анаис оказалась такой смелой. Но это только распалило его. Чем больше дерзкая девчонка гладила мужское естество Линдсея, тем более возбужденным и безрассудным он становился.

– А ты, маленькая развратница, оказывается, умеешь раздражить член, – прошептал Линдсей, когда она бесстыдно сжала в ладони его яички.

– А тебе нравится, как я дразню твой член?

– Мне кажется, ты знаешь ответ на свой вопрос, особенно после той нашей ночи.

– А я сейчас лучше, чем той ночью? – требовательно спросила она, не уставая воспламенять Линдсея своими неожиданно умелыми ласками. – Сейчас я лучше дразню твой член?

Он поднял юбку своей соблазнительницы и погладил ее обнаженные ягодички. Странно, но теперь эта пикантная часть тела казалась другой, не такой, как он помнил, совсем не похожей на восхитительную, в форме сердечка попку Анаис. Но это была именно она, его любимая Анаис. Линдсей ощущал ее присутствие так же, как и всегда. Это та проклятая штука отравила его мозг, поселила в его сознании столь безумные мысли.

– Чего ты от меня хочешь, что мне сделать с этим? – дерзко спросила Анаис, еще крепче сжав мужское естество в своей руке.

– Пососи его, – простонал Линдсей, эти слова выплеснулись из его горла судорожным, хриплым дыханием, стоило вспомнить свою самую сокровенную фантазию. И тут же, повинаясь неистовому порыву, он почти яростно стал целовать, нуждаясь в ней так отчаянно, так

безрассудно, как никогда прежде. – Я должен тебе сказать. Я не могу ждать. Я люблю тебя, – пылко хрипел Линдсей в перерывах между длинными, одурманивающими не хуже любых наркотиков поцелуями. – Я всегда тебя любил. И больше не могу этого скрывать. Не хочу прятать свои чувства. В моем сердце всегда была только ты – и навечно останешься в нем лишь ты, ты одна...

Чье-то судорожное, надрывное дыхание резко прервало мерный звук их вздохов. Линдсей взглянул на женщину в своих объятиях и сощурился, в который раз пытаясь сфокусировать взгляд на расплывавшемся перед глазами изображении. А потом картинка заметалась, неспешно обретая четкость, и он почувствовал, как содержимое его желудка угрожает хлынуть горлом и выплеснуться на пол. Линдсей смотрел на прижавшуюся к нему женщину и слышал лишь раздававшееся рядом яростное, полное отчаяния дыхание. Мысли лихорадочно заметались в голове, сознание никак не могло вместить то, что казалось просто невозможным.

Анаис застыла на месте, потрясенная, объятая ужасом. Смысл сцены, свидетельницей которой она только что невольно стала, с ошеломляющей скоростью завертелся в ее голове. Грудь Анаис стала стремительно подниматься и падать, сейчас она чувствовала себя так, словно кто-то накинул на ее горло широкую ленту и стал душить. Трясущимися руками бедняжка сорвала шляпку со своей головы. Неужели Линдсей мог так с ней поступить? Как это возможно, как – после всего, что их связывало, что произошло между ними в конюшне, так легко упасть в объятия другой?

– Боже праведный, ты давно здесь? – Ошеломленная Анаис не знала, почудились ей эти слова, или Линдсей действительно произнес их вслух.

– Достаточно давно, чтобы увидеть тебя с ней и услышать, что ты любишь ее, – прошептала Анаис, из последних сил пытаясь подавить рвущиеся из груди рыдания. Она отвела взгляд от внушавшего отвращение Линдсея и увидела, в первый раз четко увидела женщину, которая крепко прильнула к нему.

– Почему? – одними губами, задыхаясь от ужаса, прошептала Анаис.

Закончить фразу ей так и не удалось. Она просто не могла смотреть на Ребекку, прижимавшуюся к Линдсею, на ее груди, блестящие от смелых ласк его влажного рта. Нет, это было выше ее сил: глядеть на женщину, которую считала своей близкой подругой, облаченную в этот костюм – единственную за всю жизнь Анаис вещь, которая не была придумана или заказана ее матерью. Это был единственный наряд, в котором Анаис так мечтала предстать перед Линдсеем. О боже, какой же глупой и доверчивой дурочкой она была, когда думала, что Ребекка забрала ее муслиновый мешок с костюмом по ошибке! Нет, это была не случайная ошибка, а замысел – жестокий, омерзительный замысел.

– Это тебе предназначались слова любви, которые я говорил! Я думал, что со мной была ты, Анаис. – Линдсей запнулся. – Позволь мне объяснить...

– Не думаю, что здесь требуются какие-то слова, любимый, – сладко пропела Ребекка. Сейчас подруга напоминала Анаис коварную змею, каковой, в сущности, и была. – Мне кажется, то, что Анаис видела, говорит само за себя. Нам не нужно больше скрывать свои чувства.

– Не прикасайся ко мне, – со злостью бросил Линдсей, пытаясь стряхнуть Ребекку, вцепившуюся ему в руку. – Черт тебя подери, что ты наделала?

– Это наделал ты, Линдсей, – горько возразила Анаис. – Ты, ты сам сотворил это.

– Позволь мне объяснить, – пробормотал он и, пошатнувшись, придвинулся ближе. – Я был с Уоллингфордом. И я... взял что-то... то есть я съел что-то, от чего мое сознание помутилось. Я думал, что Ребекка – это ты. Я несколько, ни капли не сомневался, Анаис, что на самом деле это – ты.

– Как ты мог подумать такое? Мы совершенно разные!

– Да, мы явно не одного размера. – С острого языка Ребекки сочился яд.

Линдсей метнул в Ребекку убийственный, полный ярости взгляд и сильнее оперся о стену, с трудом удерживаясь на шатающихся ногах.

– Анаис, послушай меня. Это было какое-то дурманящее средство, наркотик. Я не пьян. Клянусь. Это была ошибка. Я думал, что со мной ты. И, полагая, что это ты... поверь мне, Анаис.

– Ложь, – отрывисто прошептала Анаис, устремив затуманенный слезами взгляд на Линдсея. – Все, что ты говоришь сейчас, все, что ты говорил мне раньше... все это ложь, ложь! И все, что нас связывало, было ложью. Ты лишь забавлялся со мной – боже, как ты, должно быть, смеялся надо мной, так легко попавшейся на твою удочку и позволившей себя соблазнить!

– Не говори так, Анаис...

– Не говорить? О чем? О том, что ты так сильно заскучал тем вечером, что решил взять меня – такую невзрачную, нежеланную старую деву – с собой в конюшню, чтобы немного поразвлечься? Ты, вероятно, думал, что сделал мне одолжение, переспав со мной! И наверняка чувствовал ко мне жалость той ночью, когда пытался возбудиться в обществе такой неопытной, никому не нужной уродины, как я, особенно когда ты мог... – Анаис бросила взгляд на Ребекку и ощутила, как сильным спазмом сдавливает горло. – Когда ты мог овладеть кем-то столь же красивым, столь же желанным, как она.

– Я хотел тебя – я хочу только тебя, – поправился Линдсей, нахмурившись. – И ты знаешь это. Просто вспомни, как это было, Анаис!

– Я помню все слишком хорошо. Помню женщину, неприметную, с округлым, пышным телом, слишком полными животом и бедрами, женщину, которая думала, что достаточно красива для кого-то вроде тебя. Понятно, что я была лишь игрушкой на один вечер – до той поры, пока ты не переметнулся к другой, лучше и красивее меня.

Боже, подумать только, она слепо доверяла ему! Никогда не сомневалась в искренности Линдсея, на самом деле считая, что он не сделал предложения после того, как занимался с ней любовью, только потому, что хотел преподнести это по-особому, как он и говорил. И она клюнула на его обещания, безрассудно поверила ему...

– Нет, это ошибка! Все совсем не так, как кажется... – снова затянул Линдсей, делая еще один неверный шаг к ней и опираясь рукой на стену для поддержки.

Анаис почувствовала, как ее губы скривились в отвращении. Сейчас Линдсей сильно напоминал своего отца: он брел к ней, то и дело спотыкаясь, неловко возясь с застежками своих штанов, его вьющиеся волосы разметались в беспорядке, подол рубашки свешивался с брюк. Анаис едва ли могла смотреть на него, не чувствуя позывов к рвоте. Это был не Линдсей из ее детства. Не тот мужчина, с которым она предавалась страсти две ночи назад. Перед ней стоял незнакомец – распутный бездельник, гуляка, которого она никогда прежде не видела.

– Нет, пожалуйста... Не смотри на меня так, Анаис. Не смотри на меня так, как на него! Я – совсем не такой, не такой! – что есть мочи закричал он и, покачиваясь, снова сделал шаг в ее сторону. – Выслушай меня, позволь мне все объяснить. Я не хочу Ребекку. Я не хочу никого, кроме тебя.

Анаис неожиданно почувствовала чье-то близкое присутствие. Даже не посмотрев в сторону, она поняла, что это был лорд Броутон. Его рука обвилась вокруг ее талии сильным, утешительным жестом, и Анаис безвольно повисла на плече друга.

– Броутон! Слава богу... скажи ей – скажи ей о том наркотике... – принялся молить Линдсей, покачиваясь в их направлении. – Броутон знает... он был со мной...

– Пока живу, я буду помнить тебя таким, – резко выдохнула Анаис сквозь дрожащие губы, силясь сдержать горькие рыдания. – Никогда еще ты не напоминал мне его, своего отца, больше, чем сейчас. Ты разбил мне сердце. – Она прижала ладонь ко рту, молясь, чтобы успеть

уйти прежде, чем даст волю отчаянию и захлебнется в потоке слез. – Как бы я хотела, чтобы ты никогда ко мне не прикасался!

– Нет, Анаис, – продолжал умолять Линдсей. «Боже праведный, нет, любимая, не говори этого!» – стучало в его висках.

Но Анаис отвернулась от него, и Гарретт, который был не меньше ее потрясен изменой Ребекки, потянулся к ней и заключил в свои объятия.

– Прости! – уже кричал Линдсей. – Господи, только не уходи!

Анаис закрыла глаза, стараясь не реагировать на звук его голоса, ненавидя слова, которые она так много раз слышала от Линдсея прежде. Такие бессмысленные, пустые слова. Такие бессмысленные поступки. Какой же дурочкой она была! Неисправимой, романтической дурочкой.

– Я не могу тебя потерять! – исторгся из груди Линдсея мучительный крик, когда она повернулась и побрела прочь, все еще отчаянно цепляясь за руку Гарретта. – Ты не можешь убежать от меня, Анаис. Я найду тебя, Анаис!

Ее имя, вырвавшееся из глубины измученной души Линдсея, эхом пронеслось по всему коридору. Анаис дрожала, все еще слыша гулкие отголоски своего имени даже после того, как колеса кареты застучали по до роге.

Глава 4

Десять месяцев спустя

– Анаис, ты должна спуститься вниз, хотя бы на чашечку чая. Уже рождественский сочельник, ты не можешь провести его здесь, наверху, в своей комнате! О... – Голос Энн, которая ворвалась в комнату, вальсируя, прервался, когда она заметила, что Анаис лежит в кровати, а Роберт Миддлтон прижался ухом к ее груди. – Прощу прощения, – пробормотала Энн, явно пришедшая в ужас от того, что без спроса ворвалась к сестре и застала ее в столь неловком положении.

– Не говори глупостей, Энн. Доктор Миддлтон только что закончил меня осматривать, не так ли, сэр?

– Совершенно верно, леди Анаис. – Врач выпрямился и отсел от больной. – Я навещу вас завтра, посмотрю, как вы поживаете.

– А вы уверены, что есть необходимость навещать меня завтра? Это будет утро Рождества, а у вас есть жена и ребенок, которые явно не хотят, чтобы вы уезжали из дома в праздничный день.

Доктор Миддлтон потянулся к руке пациентки и крепко сжал ее своей теплой ладонью.

– Увидимся завтра, леди Анаис. Спокойной ночи, и помните, что вам не стоит утомляться. – Он сложил деревянный стетоскоп, с помощью которого слушал грудь больной. – Это просто удивительно! Ваше сердце бьется чаще, чем два дня назад. Если ваше состояние не улучшится, следует незамедлительно начать прогуливаться по лесу.

– Благодарю вас, доктор Миддлтон.

– Просто Роберт, – тихо поправил врач, водрузив шляпу на свои русые волосы. – Мы, в конце концов, знаем друг друга с пеленок.

– Благодарю вас, Роберт, – отозвалась Анаис, понимая, что доктор не будет доволен до тех пор, пока она не назовет его по имени. И, по правде говоря, Анаис чувствовала себя очень глупо, обращаясь к нему слишком формально. В конце концов, она знала Роберта всю свою жизнь. Как-никак он был младшим братом Гарретта.

– Пошлите весточку в наше имение, в Лодж, если вам потребуется моя помощь. И помните, вам не следует находиться на сквозняке или холодном воздухе. Во время простуды сердцу тяжелее качать кровь. Вашему сердцу не нужно перенапрягаться. Боюсь, вам лучше пропустить церковную службу этим вечером. При вашем слабом самочувствии не стоит лишний раз рисковать.

– Мама считает, что вы слишком молоды, чтобы наблюдать меня, – сказала Анаис, смеясь над доктором и тем, как он по-мальчишески надулся.

– Несомненно, она больше доверяет тому своему старому врачу, медицинские книги которого написаны еще в библейские времена.

– Она грозит прислать его ко мне.

– Как бы то ни было, не позволяйте ему пускать вам кровь, Анаис.

– Я не позволю, Роберт.

– Что ж, если это – все, я, пожалуй, пойду. Погода, судя по всему, начинает портиться.

– Никогда не знаешь, что принесет зима в Вустершире.

Роберт кивнул и потянулся к своему коричневому кожаному чемоданчику.

– Почти то же самое и в Эдинбурге. Ну ладно, спокойной ночи, Анаис, и счастливого вам Рождества!

– И вам того же! Пожелайте Маргарет всего самого наилучшего и поцелуйте свою дочку за меня.

– Обязательно, – ответил доктор, расплывшись в широкой сияющей улыбке при упоминании о его ребенке. – Разумеется, я передам. Счастливого Рождества, леди Энн!

И он учтиво наклонил голову, проходя мимо сестры Анаис.

После того как дверь за доктором Миддлтоном закрылась, Энн подошла к кровати и села рядом с Анаис:

– Мне очень жаль. Я не думала, что он все еще тут.

Доктор пробыл здесь, наверху, очень долго.

Анаис пожала плечами и подобрала висящую нитку покрывавшего ее шерстяного пледа. Бедняжка не могла не заметить, какими бледными все еще казались ее пальцы и как ее вены, такие синие и холодные, просматривались сквозь кожу – словно ее плоть была прозрачной бумагой, из которой делают папье-маше.

– Ты идешь на поправку? – Энн перехватила взгляд сестры. – Должно быть, да, потому что ты выглядишь намного лучше, чем месяц назад, когда вернулась из Франции. Милая, ты была практически при смерти, когда лорд Броутон так поддержал тебя! Клянусь, это истинный промысел Божий, что ты встретила его в Париже, потому что тетя Милли металась бы в истерике при мысли о том, что делать с тобой в таком состоянии, да еще и в незнакомом городе!

– Мне очень повезло, что я встретила его светлость, – тихо произнесла Анаис, не желая говорить о Гарретте и событиях, происходивших в ту пору.

– Доктор Миддлтон сказал тебе, в чем же заключается твое слабое самочувствие? Он несколько раз упомянул об этом маме и папе, но довольно туманно отозвался о причине болезни.

Анаис уже начала терять терпение и не преминула продемонстрировать это неутомной сестре.

– Я ведь уже говорила тебе, Энн, что это небольшой жар и обычное недомогание.

Энн многозначительно выгнула тонкую светлую бровь, явно не веря тому, что услышала, но пропустила мимо ушей раздраженный тон Анаис.

– Мама сказала отцу, что, по всей вероятности, это твои женские органы гниют от участи старой девы, которая и повинна в твоих проблемах с сердцем. Но отец считает, что ты подхватила от французов опасное воспаление мозга.

Анаис улыбнулась и потянулась к руке сестры:

– Клянусь, Энн, с моими женскими органами все в полном порядке. И я не позволю этому шарлатану, доктору Терстону, убеждать мать в том, что мое состояние – не что иное, как истерия, вызванная состоянием этих моих женских органов.

Энн захихикала:

– Когда ты говоришь так, Анаис, это звучит как самый настоящий вздор! Ну как женские органы могут вызвать у кого-то истерию?

– Они и не могут. Доктор Терстон просто презирает женщин, только и всего.

– Ко мне приходила Луиза, – вдруг посерьезнела Энн. – Думаю, тебе хотелось бы знать, что твоя горничная обеспокоена. Ее тревожит то, что твои последние месячные длились почти две недели. И это было довольно... довольно... по словам Луизы, это было довольно обильно.

– Ради всего святого! – застонала Анаис, заливаясь краской до корней волос. – Неужели в этом доме не осталось ничего святого?

– Конечно нет, – с усмешкой ответила Энн. – В доме, полном женщин, разве можно умолчать о такой теме, как месячные? И все же Луиза боится, что причиной твоего недомогания действительно стали проблемы с женскими органами.

– Какое унижение! – с деланным ужасом усмехнулась Анаис. – В самом деле, что происходит? Неужели все эти горничные выстраиваются в очередь, чтобы собирать наши прокладки и обсуждать наши циклы? Неужели весь дом знает, когда месячные приходят раньше или задерживаются?

– Мне кажется, задержка обсуждалась бы наиболее бурно, – заметила Энн, развязно высунув язык. – Только представь, какие пошли бы гулять сплетни, если бы у одной из нас не пришли бы месячные! Если бы мама узнала нечто подобное, обязательно устроила бы нам многочасовой допрос!

– Мама беспокоится только о себе, любимой. Сомневаюсь, что она удостоила бы своим вниманием нечто столь же прозаическое, как месячные.

– Верно, – согласилась Энн. – И все же, мне кажется, тебе хотелось бы знать о том, какие разговоры ведутся за твоей спиной. А еще я, в свою очередь, хочу убедиться, что ты идешь на поправку. Кровотечение остановилось, не так ли?

В тоне Энн слышалась тревога, в ее глазах отчетливо читалось искреннее беспокойство.

– Остановилось.

– Отец сказал, что в твоём недуге нет ничего особенного, ничего, что не мог бы вылечить хороший отдых. Он всегда принимает твою сторону, ты ведь знаешь.

– Ты права, отец действительно привязан ко мне. И хвала небесам за это, потому что если бы мама питала ко мне такие же теплые чувства, я бы оказалась под наблюдением доктора Терстона! Только представь: каждый день мне делали бы кровопускание, а еще я была бы прикована к постели со своими пресловутыми женскими органами, пока он исхитрился бы найти способ помешать этим органам превращать меня в истеричку!

– Да, – со смехом согласилась Энн. – Папа обожает тебя, а ты, как мне прекрасно известно, обожаешь его. Каждого из тех, кто встречается на пути, ты сравниваешь с ним, считаешь его примером для остальных, не так ли? Папа – та вершина, к которой из всех сил должны стремиться твои поклонники.

Анаис почувствовала, как залилась краской. Сестра говорила истинную правду, независимо от того, как глупо звучало это ее замечание. Отец был хорошим, добрым, честным человеком. Разве казалось таким уж неправильным для Анаис мечтать, чтобы мужчина, которого она выбрала бы для брака и которому вручила бы свою жизнь, относился к тому же типу, что и ее отец?

– Но есть еще и мама! – со стоном напомнила Энн. – Она вечно заставляет меня беспокоиться о своей внешности. Она интересуется мной только тогда, когда я выгляжу мило и одета в одно из этих вычурных платьев с бесконечными слоями оборочек и бантиков. Она никогда не станет утруждать себя чтением моих стихов, и, кроме того, мне кажется, что она не слушает меня, когда я пою – если, конечно, я не окружена потенциальными ухажерами. В этом случае мама не упускает возможности сообщить всем и каждому – совершен но не смущаясь, я тебе скажу! – какая чудесная жена из меня выйдет. Клянусь, голову мамы никогда не посещает ни одна серьезная, по-настоящему важная мысль. Она никогда не думает ни о чем, кроме моды и своих туалетов. И как отец мог жениться на такой пустышке?

– Любовь слепа, полагаю, – ответила Анаис, вспомнив о том, как сама была буквально ослеплена любовью. Эта безграничная любовь помешала ей разглядеть, каким на самом деле был Линдсей. Наивность не дала ей осознать, что Ребекка на самом деле не была ее самой близкой подругой. Анаис была просто слепой, слишком многого в прошлом году она просто не замечала!

– Анаис, – промолвила Энн, и ее тон вдруг снова стал унылым и тревожным. – Мне бы хотелось знать, что произошло между тобой и Линдсеем. Вы оба так внезапно уехали из Бьюдли. До этого я ни слова не слышала о том, что ты собиралась отправиться во Францию с тетей Милли и ее компаньонкой Джейн. И тут вдруг ты уехала. Потом к нам нагрянул Линдсей, и я слышала, как он оглушительно вопил в кабинете папы, требуя сказать, где ты находишься. Он был убит горем, словно рассудок потерял! Он не стеснялся в выражениях, слова подбирал, мягко говоря, странные.

– Возможно, ты просто неверно их истолковала.

Младшая сестра нахмурилась:

– Нет, я все поняла правильно. И не притворяйся, будто считаешь, что в этом внезапном исчезновении Линдсея нет ничего необычного. Ни за что не поверю, что он просто... пух! – Энн сложила губы, издав пыхтящий звук, и взмахнула рукой так, словно держала в пальцах волшебную палочку, – и он просто растворился в воздухе, никому не сказав ни слова. Даже мать Линдсея, леди Уэзерби, не знает точно, где он. Линдсей скрылся в неизвестном направлении больше десяти месяцев назад, Анаис, и с тех пор от него нет вестей. Разве тебя это не волнует?

– Я устала, Энн.

Анаис действительно чувствовала себя слабой и утомленной, но больше всего ей не хотелось говорить о Линдсее и о том, что произошло между ними в ту ночь на маскараде. Она не рассказала об этом никому, даже отцу, и уж совершенно точно никогда не доверила бы свои переживания матери. Но Анаис пришлось поведать некоторые детали тете Милли. Компания тети Милли, Джейн, знала немного больше, чем сама тетя, но Анаис искажила правду, не в силах поведать абсолютно все. Единственным человеком, знавшим истину, был Гарретт, и он вел себя благородно, оказывая Анаис исключительную поддержку, – не говоря уже о том, что надежно держал язык за зубами.

– Я сильно разочаровалась в лорде Реберне, – сказала Энн, поглаживая руку Анаис кончиками пальцев. – Мне казалось, что он наверняка сделает тебе предложение. Как же я ошибалась!

– Все в порядке, дорогая, – ответила Анаис, пытаясь через силу улыбнуться, чтобы не беспокоить сестру. – Этому не суждено было сбыться.

– Но ты любила его, Анаис.

– Сказать по правде, этот союз не был крепким.

Сестра стрельнула в нее недоверчивым взглядом.

– А союз с лордом Броутоном, значит, был бы более крепким?

– Энн, – предостерегающе заметила Анаис. – Я не собираюсь беседовать с тобой о подобных вещах.

– Но мне уже пятнадцать, – возмущенно завопила та, – и сын сквайра Уилтона поцеловал меня под майским деревом! Я – женщина, Анаис. И знаю о таких вещах, как любовь и брак.

– В самом деле? Тогда ты намного образованнее меня, потому что я не понимаю ни того ни другого. Ну а теперь тебе пора собираться в церковь. Мне кажется, я слышу, как мама тебя зовет.

– Так что же насчет лорда Броутона, Анаис, ты собираешься выйти за него замуж?

– Гарретт – только друг, Энн. Очень близкий друг.

– Совсем как Линдсей, который тоже был твоим очень близким другом?

Анаис посмотрела в окно, за которым царил темная ночь, и ровной густой пеленой валил снег.

– Линдсей был близким другом. Но это в прошлом.

– Мне очень жаль, что Линдсей удрал, вместо того чтобы сделать тебе предложение. Мне бы хотелось иметь такого зятя. Он гораздо веселее лорда Броутона.

– Лорд Броутон – очень добрый человек. Очень преданный, очень великодушный и всепрощающий.

– И что же лорд Броутон простил тебе? – осведомилась Энн, мгновенно ухватываясь за маленькую обмолвку сестры.

– То, что я не вышла за него замуж, несмотря на... – Анаис отвела взгляд и смахнула предательскую слезинку, невольно выкатившуюся из глаза. Расстроенная, бедняжка так и не закончила свою мысль. Она не сделала этого, хотя сейчас ей отчаянно требовалось поделиться с кем-нибудь самым сокровенным. Анаис чувствовала себя такой одинокой, такой пустой

внутри... Но с другой стороны, это она сама сделала подобный выбор, и с его последствиями должна была справляться в одиночку.

– Надеюсь, когда-нибудь ты сможешь рассказать мне всю правду о том, что же произошло между тобой и лордом Броутоном в Париже, Анаис. Тебе, возможно, удалось убедить маму и папу в том, что твоя загадочная болезнь – лишь пустяковый жар, но тебе не одурачить меня. И мне очень не хотелось бы думать, что ты не можешь поделиться своими секретами с собственной сестрой.

– Секреты могут быть таким тяжким бременем, Энн! Я подхватила эту болезнь, пока путешествовала за границей. Лорд Броутон помог мне вернуться домой, чтобы я здесь поправилась, только и всего, больше не о чем говорить.

Голубые глаза Энн задумчиво пробежали по одеялам, скрывавшим фигуру сестры. Анаис невольно подтянула колени повыше, еще глубже зарываясь в одеяло.

– Что ж, полагаю, время покажет, что с тобой, не так ли? – грустно, с явным сожалением промолвила Энн. – Спокойной ночи, Анаис.

– Спокойной ночи, Энн.

Улыбнувшись на прощание, младшая сестра выскользнула из комнаты. С тяжелым вздохом Анаис обвела взглядом спальню, чувствуя себя утомленной и обессиленной. Ее тело казалось изнуренным, ее мысли и тревоги, мучившие неотступно, тягостно, продолжали забирать те малые остатки сил, которые она еще чудом сохраняла. Анаис спрашивала себя, сможет ли когда-либо освободиться от одолевавших ее волнений. Возможно, таково ее наказание – каждый день жить в страхе за то, что ее тайна раскроется и станет известна всему миру.

Цоканье копыт по булыжной дороге, донесшееся с улицы, прорвалось в сознание сквозь пелену беспокойных мыслей, и Анаис выскользнула из кровати. Стоя у окна, она наблюдала, как лакей в серебристо-синей ливрее помогает ее сестре и матери забраться в карету. «Где же папа?» – пронеслось в голове Анаис. Возможно, он уже сидел в экипаже. Но это было совсем не похоже на отца – не дожидаться своих леди дома и первым сесть в карету.

Дверца экипажа захлопнулась, и через мгновение четыре белые лошади сорвались с места, ненадолго унося семью Анаис в деревню, на церковную рождественскую службу.

Анаис потянулась к тому, лежавшему на тумбочке у кровати, но смогла лишь коснуться книги пальцами, и та с шумом приземлилась на пол. Анаис вздрогнула от неожиданности. Шлепок получился слишком громким для падения такого маленького предмета, звук эхом отразился в стенах комнаты. И тут Анаис поняла, что шум, сопровождаемый непонятным глухим стуком, доносится откуда-то снизу, со стороны лестницы.

Странно. Кто мог так дерзко, забыв о хороших манерах, нестись вверх по лестнице? Пожав плечами, она нагнулась, чтобы поднять книгу, и тут же в ужасе выпрямилась. Удушливый, всепоглощающий запах дыма струился между половицами, постепенно проникая в комнату. Анаис понеслась к двери, задыхаясь даже от этого небольшого усилия. Рывком распахнув дверь спальни, Анаис увидела, что коридор уже объят пламенем. Лестницу, по которой всего несколько минут назад спускалась Энн, теперь поглотили черный дым и оранжевое пекло. Ветер стремительно ворвался снизу, раздувая языки огня и превращая их в гигантскую, взмывающую вверх башню. Анаис поспешила захлопнуть дверь и с трудом протиснулась в свою уборную, молясь, чтобы успеть сбежать вниз прежде, чем огонь поглотит часть лестницы. Но, потянувшись к замку, Анаис вдруг обнаружила, что дверь заперта, а ключи пропали. Решительно подавив панику, уже нараставшую в груди, Анаис из последних сил попыталась собраться, стряхнуть с себя головокружение, подавить чувство жжения в груди и подумать здраво. Итак, она оказалась в ловушке.

Дом, возраст которого приближался к двум столетиям, старый, целиком построенный из дерева и отштукатуренный, огонь охватит в мгновение ока. В такой момент у Анаис не было ни минуты на то, чтобы поддаваться панике.

Она бросила взгляд в сторону окна и в одно мгновение оказалась там, распахнув рамы и не обращая внимания на ворвавшийся в комнату поток обжигающе холодного воздуха. Оторвав бархатные портьеры от деревянных реек, Анаис заставила себя забыть о тяжести в груди и принялась энергично работать, связывая занавески. Потом потянулась к одеялам и сорвала с кровати покрывало.

Ждать помощи было неоткуда, ее единственным спасением стало окно.

Глава 5

Завывающий ветер пронесся через лес и спустился с гор, чтобы закружить в своем стремительном потоке громахающий экипаж. Студеному воздуху удалось проникнуть даже сквозь плотные швы рамы кареты, и температура внутри упала так резко, что повозка стала напоминать ящик со льдом. Поглубже спрятав подбородок в складках пальто, Линдсей ощутил, как холод ползет вдоль спины и пробирает до костей.

– Проклятая стужа, – проворчал Линдсей, продолжая кутаться в теплую йоркширскую шерсть пальто. – Вот ведь угораздило, черт возьми, выбрать время для возвращения в Англию – в самую выюгу!

Карета по-прежнему ритмически покачивалась, и Линдсей из последних сил пытался не уснуть, однако вскоре его веки отяжелели и, несмотря на все старания, опустились вниз. Прошли считанные минуты, а Линдсей уже спал. Ему грезились сухая, изнурительная жара и благоухание арабских специй, струящееся через покачивающиеся ветви кипарисов.

В своем сне Линдсей перенесся обратно в Константинополь, где на лазурном небосклоне тяжело висело солнце цвета шафрана, освещая кобальтовые и позолоченные изразцы исламских колонн Капали-Карси, Великого базара. Жаркое светило обжигало щеки Линдсея. Шарф, который он обычно носил, чтобы защитить голову от жары, слегка колебался под дуновением бриза, надувавшего насыщенный солью воздух с Мраморного моря. Этот пахнувший морем и пряностями ветерок был единственным облегчением в условиях палящей жары, исходящей от полуденного солнца и моря людей, роившихся на огромной территории крытого базара.

Внутри Великого базара визири и паши курили свои кальяны, пока их рабы и слуги вели меновую торговлю, приобретая товары для богато обставленных домов знати. Именно там, на крытом базаре в Константинополе, Линдсей и его попутчик, лорд Уоллингфорд, бесцельно бродили среди сотен лотков, на которых продавалось все – от специй и орехов до гашиша и красавиц, которых богачи покупали для своих гаремов.

Чувственная, роскошная экзотичность Константинополя была так не похожа на его утонченную, аристократическую Англию! Линдсей находился слишком далеко от блистающего светского общества и шикарных, модных особняков Мейфэра. Очень далеко от своих обязанностей по отношению к семье и имения в Вустершире. И все же Константинополь не был достаточно далек от границ его прошлого. Линдсей по-прежнему слишком хорошо помнил, как Анаис унеслась прочь той ночью, когда застала его в коридоре со своей лучшей подругой. Никакое расстояние не могло заставить Линдсея забыть ни того сдавленного крика ужаса и боли, ни потрясенного выражения глаз Анаис.

Теперь, полусонный, он силился вернуться в свой комфортный сон – в то время, когда ничто не имело значения, туда, где существовали лишь теплые, ленивые дни, проводимые в упаднической праздности. Дни, в которые кальян и прекрасная наложница были всем, что требовалось Линдсею, чтобы скоротать часы и приглушить боль его любовной неудачи.

Но, черт его возьми, этот сон никак не хотел возвращаться! Турецкая сказка упорно ускользала от Линдсея, и он в который раз оказывался один на один с мучительными воспоминаниями о том, как Анаис, казалось, бесследно исчезла после побега с Торрингтонского маскарада. Линдсей искал возлюбленную всюду, но она уходила от его настойчивого преследования, отказывая ему в шансе объяснить: он не собирался соблазнить ее подругу и истреблять веру, которую сам же и вселил в ее душу.

Тщетно объехав в поисках обожаемой женщины всю Англию, Линдсей пересек Ла-Манш и оказался во Франции. От матери Анаис он узнал, что любимая отправилась за границу со своей тетей, – как сказала ему леди Дарнби, это путешествие планировалось еще некоторое

время назад. Но Линдсей прекрасно все понимал. Анаис уехала во Францию, чтобы избавиться от него.

Линдсей тут же отправился на континент, но так и не сумел выяснить, где она остановилась в Париже. Именно тогда верный друг Уоллингфорд перестал скрывать свое раздражение Линдсеем и его навязчивой идеей отыскать Анаис. После нескольких недель безуспешных поисков в Париже Линдсей поддался на уговоры Уоллингфорда составить ему компанию и отправиться в Константинополь. Там Линдсей оказался обольщен, но не красивой женщиной, а очарованием опиума. Да-да, опиума, этого восхитительного демона.

Карета резко качнулась, наклонившись вправо. Это позволило Линдсею окончательно проснуться, и он тряхнул головой, прогоняя из памяти и грезы о былых днях в Константинополе, и горькие воспоминания об Анаис.

– Ты спал, – сказал Уоллингфорд, набрасывая мех Линдсею на колени.

Температура в салоне опустилась еще ниже: карета, несмотря на обитые шелком стены и плотные шторы, не была достаточно защищена от буйства ледяного ветра.

– Я вспоминал, каким теплым был бриз, дувший с Босфора. Наверное, нам не стоило уезжать из жаркого Константинополя, – пробормотал Линдсей, поднимая штору и глядя на снежные вихри за окном. – А я почти забыл, как чертовски холодно бывает в Англии в декабре. Хотя столько снега в самом начале этого времени года – большая редкость.

Уоллингфорд кивнул, попыхивая своей сигарой:

– Эта проклятая стужа! Но три месяца назад, когда мы покинули Турцию, о зиме как-то не думалось. Мы вспоминали о других вещах – таких, как красота роц осенью. Завывание ветра, проносающегося сквозь лес, который дует с вершин Молверн-Хиллз. Казалось, что мы вдоволь напутешествовались, не так ли? Мы горели желанием снова увидеть Англию.

– Точно.

И тем не менее, если бы все прошедшие месяцы Линдсеем не владела мечта об Анаис, он мог бы по-прежнему оставаться в Константинополе, проводя время в атмосфере пышного восточного декаданса. Последние месяцы Линдсей днями напролет пропадал в мире шелковых чадр и бархатных подушек, где единственным его спутником был опиум. Если раньше Линдсей лишь баловался, пробуя на вкус малые дозы наркотика, теперь его снедала неистовая тяга.

– Сэр, – позвал один из лакеев, легонько постучав кулаком в заднюю стенку кареты. – Нам нужно остановиться, милорд.

Хлопнув своей тростью по дверце экипажа, Линдсей дал понять кучеру, что нужно придержать лошадей. Когда скакавшая во весь опор шестерка серой масти резко остановилась, Линдсей распахнул дверцу кареты, зачерпнул неистово и сердито ворвавшийся в салон снег и с наслаждением растер лицо.

От него не укрылось, каким краснощеким и дрожащим был лакей, несмотря на бобровую шапку и множество слоев толстых шерстяных накидок.

– Жеребец, запряженный ближе к месту кучера, встает на дыбы, милорд. Дженкинс говорит, что конь с трудом выносит этот холод.

– Он еще не акклиматизировался, – бросил Линдсей через плечо, обращаясь к Уоллингфорду. – Я поскачу на нем оставшуюся часть пути. Это должно его разогреть.

– Идиот! – завопил Уоллингфорд после того, как Линдсей вылез из экипажа. – Ты убьешься, скача на этом коне в такую погоду!

– Я потратил на него целое состояние. И пусть меня черти возьмут, если я позволю ему умереть от холода! Он должен стать производителем для моих конюшен и наверняка не сможет отлично справиться со своими обязанностями, если замерзнет, не так ли?

– Черт побери, Реберн, – заворчал Уоллингфорд, бросив сигару в сугроб. – Ты ведь знаешь, что я не позволю тебе скакать одному! Только не в эту погоду. Черт тебя дерит, парень!

Линдсей метнул в сторону друга беззаботную улыбку:

– Поскакали, это будет совсем как в старые добрые времена, когда мы были безрассудными юнцами, которые сломя голову неслись галопом вниз по склону, – эх, пан или пропал!

– В пору бесшабашной юности наши кости были не такими ломкими, – продолжал брюзжать Уоллингфорд, поднимая воротник пальто, чтобы защитить лицо от пронизывающего ветра. – И наши головы тоже, если на то пошло.

– Ты напоминаешь Броутона, который вечно отчитывает нас за наше глупое безрассудство.

– Я начинаю думать, что наш дорогой друг самый разумный из нас троих.

– Что ж, в путь! – возвестил Линдсей, не желая думать о том, как предал Броунтона, точно так же, как и Анаис. Отбросив переживания, он направился к месту кучера, туда, где храпел и переминался с ноги на ногу его ценный арабский жеребец.

– Показывай дорогу, Реберн, – бросил Уоллингфорд, приготовившись следовать прямо за Линдсеем. – И если нам повезет добраться до конюшни живыми, первое, что мы сделаем, оказавшись дома, – это купим еще одну теплую пинту сидра и горячую женщину!

Линдсей вскочил в седло и подхватил узду, разворачивая арабского скакуна в нужном направлении. Несясь через пелену снега, он правил жеребцом так надежно, как только мог, не обращая внимания на резкий ветер. Линдсей инстинктивно направлял коня по дороге, которой следовал бесчисленное количество раз в своей жизни.

Когда в поле зрения показались знакомые места, Линдсей замедлил жеребца, припустившего по обледеневшей тропе, которая возвышалась над Бьюдли. Внизу простирался городок, уютно устроившийся в долине. Глыбы льда бесцельно кружились на поверхности черных вод реки Северн, напоминая Линдсею однажды увиденный им пейзаж – остатки айсберга, рухнувшего в море.

Тряхнув своей гладкой черной головой, арабский скакун выпустил из ноздрей серое облако пара и исчез в круговороте окутавших его с всадником снежинок. Сжимая узду, Линдсей успокоил вставшего на дыбы коня и бросил взгляд на крышу церкви Святой Анны, возвышавшейся над панорамой города.

Ниже горного хребта раскинулась сонная деревня, которую Линдсей называл своим домом с самого рождения. Сегодня вечером тихая маленькая деревенька была весьма оживленной. Ее жители прогуливались по мощеным улочкам со свечами в руках, направляясь на рождественскую службу в церковь.

К западу от центра города, приютившегося в долине, там, где маленький приток отделялся от реки Северн и образовывал залив, располагалось одно из четырех приметных, впечатляющего размера поместий, владельцы которых составляли основу аристократического общества Бьюдли. Родовое имение Уоллингфорда граничило с лесом. Поместье Броунтона лежало восточнее, всего в минутах езды по горному хребту. Особняк Линдсея, Эдем-Парк, раскинулся по другую сторону моста. И совсем рядом, чуть ниже, виднелся дом Анаис, который Линдсей не видел почти год.

Мчась к особняку в якобитском стиле с самой вершины долины, Линдсей то и дело моргал, смахивая приземлявшиеся на ресницы снежинки. Земляной, едкий запах леса, разносившийся в воздухе, резко ударил в ноздри, стоило вдохнуть аромат – такой знакомый и все же основательно подзабытый за время странствий аромат родного дома.

Сегодня отмечали сочельник, и уголь в каминах заменили большими поленьями, по традиции сжигаемыми в канун Рождества, которые должны были гореть на протяжении всего праздника. Линдсей заметил потоки дыма, струившегося из трех больших труб, маячивших над островерхой крышей. Этот успокаивающий аромат перенес Линдсея в те времена, когда он был молод и беззаботен. Времена, когда он сидел у камина в компании Анаис, уплетая изюмный пудинг и заварной крем после рождественской службы.

При этих воспоминаниях взгляд Линдсея тут же сосредоточился на последнем окне с правой стороны дома. Там лениво мерцал тусклый отблеск одинокой свечи. Перед мысленным взором Линдсея предстала Анаис, она сидела на скамейке у окна, подпирая рукой подбородок и задумчиво глядя в небо. Анаис обожала зиму. Они множество раз сидели вот так, рядом, глядя, как снег легонько падает на землю. Нет, все было не совсем так... Анаис смотрела на снег, а Линдсей наблюдал за ней, влюбляясь все сильнее – с такой неудержимой силой, о существовании которой и не подозревал.

Его взгляд оторвался от окна возлюбленной и принялся бродить по земле, там, где зеленые травы теперь покрывало толстое белое одеяло, сверкавшее в серебристом лунном свете, будто усыпанное кристаллами; там, где живые изгороди кустов боярышника и остролиста, обрамлявшие каждую усадьбу, свешивались под грузом снега. Лишь одна случайно уцелевшая гроздь красных ягод остролиста выглядывала из-под белого снежного покрывала.

Качая кроны деревьев в лесу позади них, снова тихо застонал ветер, и Линдсей спрятал подбородок в воротник пальто, укрываясь от студеной завывающей порывов. Этот унылый звук так перекликался с тем, что творилось у Линдсея в душе...

– Восхитительно, не правда ли? – промолвил Уоллингфорд, останавливая лошадь рядом со скакуном закадычного друга. – Красоты здешней местности бесподобны, разве нет? Нигде не ценишь природу больше, чем в Уайр-Форест! Я обязательно запечатлею этот прекрасный вид на холсте, когда вернусь домой. – Уоллингфорд спешил, внимательно изучая раскинувшиеся внизу земли, и продолжил: – Я никогда не видел долину такой пустынной, безотрадной и дикой, но все же полной такой незабываемой красоты!

– Ты говоришь как истинный художник, – медленно произнес Линдсей, не в силах надолго задерживать взор на живописных живых изгородях. Увы, он по-прежнему украдкой бросал взгляды на одинокую свечу в окне, отчаянно желая, чтобы там появилась Анаис, и надеясь, что его недавние сны о ней не были предзнаменованием чего-то дурного, как почему-то нашептывал внутренний голос.

– Когда ты собираешься навестить ее? – тихо спросил Уоллингфорд, проследив за направлением сосредоточенного взгляда Линдсея.

– Я не знаю.

– Когда мы покинули Константинополь, ты был буквально одержим идеей найти ее. На протяжении трех месяцев, которые потребовались нам, чтобы добраться до Англии, тебя мучили кошмары о ней. Ты боялся самого худшего. Так неужели теперь упустишь возможность лично убедиться в том, было ли твое видение реальным, или это лишь обман, навеянный кальяном султана?

И Линдсей вспомнил, какой разрушающей силы ужас пронзил его после пробуждения от того страшного сна.

– Оно было реальным.

– Кальян – волшебная штука, – изрек Уоллингфорд, с любопытством глядя на него. – Он заставляет нас различать призраков в клубах дыма. Побуждает видеть вещи, которых нет, или вещи, которые больше не существуют. Думаю, ты по своему опыту понял, как легко убежать от своих призраков с помощью кальяна.

– Нет, убежать всегда трудно. Мне никогда не удастся спастись от этого призрака.

Уоллингфорд крепко сжал губы и пристально взглянул на друга. Лицо графа тут же помрачнело.

– Этот особенный призрак загадочным образом вцепился в тебя. Боюсь, она никогда тебя не отпустит. Она тебя уничтожит.

– Я уже уничтожен. Сам обрек себя на верную гибель, когда сдуру позволил себе расслабиться. Я должен был сопротивляться соблазну, который уготовила мне эта гадина Ребекка! Если бы я противостоял искушению, если бы так просто не поддавался ему, Анаис сейчас была

бы моей женой. И я не стоял бы здесь в канун Рождества, так мучительно тоскуя по ней, мечтая найти возможность волшебным образом стереть прошлое.

– И что же такого страшного ты увидел во сне? – поинтересовался Уоллингфорд. – Что оказалось настолько ужасным, что заставило тебя мчаться сюда, к женщине, которая даже не позволила бы тебе оправдаться? К женщине, любовь которой была столь мимолетной, что она оказалась неспособна даже на жалкую каплю прощения?

В том памятном видении Линдсея Анаис возникла из пелены легкого прозрачного дыма, ее красота ярко сияла среди вьющихся клубов пара, окутавших все вокруг. Мягкие округлости тела Анаис и ее вздернутые упругие соски были ясно различимы под бледно-розовым платьем, облегавшим ее тело. Длинные белокурые локоны свободно разметались по плечам, Анаис протягивала руки, подзывая Линдсея к себе, и он покорно, как раб, направился к любимой. Через мгновение она уже сжимала его в объятиях, нашептывая слова прощения.

Линдсей плавно опустил ее на шелковые подушки, в беспорядке разбросанные по полу его комнаты. Он мог чувствовать запах Анаис – аромат ее мягкой, как лепесток, кожи – даже среди густого и чувственного облака благовоний, туманом нависшего над диваном.

Неожиданно Анаис, ощущавшаяся такой теплой и живой в его руках, окостенела, похолодела. Ее прекрасные сверкающие васильково-синие глаза стали тусклыми и ледяными, они смотрели на него невидящим взором. И тут Линдсей заметил темно-красную жидкость, которая начала медленно поглощать их. Эта субстанция, поблескивавшая в свете висевших над ними фонарей, постепенно покрывала бледную кожу Анаис. А возлюбленная продолжала смотреть на Линдсея этими холодными, безжизненными глазами. Он просто не мог выносить этого, не мог бессильно наблюдать, как у него отнимают Анаис! Когда Линдсей оттолкнулся от любимой, ее губы приоткрылись, и она тихо произнесла слова, неотступно преследовавшие его на протяжении многих месяцев: «Ты сделал это со мной, Линдсей, ты убил меня».

Он пробудился от кошмара, потрясенный увиденным, объятый ужасом при мысли о том, что это дурное предзнаменование – знак того, что ему следует немедленно вернуться к Анаис и загладить свою вину. Знак, который он не мог игнорировать.

– Реберн, ты только посмотри! – окликнул Уоллингфорд, отвлекая Линдсея от объявшей сознание ужасной мысли. – Там огонь, с боковой стороны дома!

Мгновенно выкинув из головы все переживания, Линдсей сосредоточил взгляд на доме, на уровне ниже окна Анаис. Со своей позиции на возвышении он заметил искрящийся оранжевый язык пламени, отражавшийся в стекле.

– Это кабинет Дарнби, – встревожился Линдсей, приводя своего жеребца в движение. – И камин – как раз рядом с тем окном. Поскакали, Уоллингфорд!

Пронзительно прокричав последние слова, он помчался вниз по дороге, ведущей к долине.

Стремительно несясь вперед и часто моргая, чтобы смахнуть снег с ресниц, Линдсей гадал, не это ли событие предчувствовал, не оно ли стало причиной, вынудившей его вернуться домой.

Соскочив с лошади, Линдсей взбежал по лестнице особняка и рывком распахнул двери. В доме царил настоящий хаос: слуги носились туда-сюда, в ужасе крича и неистово мечась с ведрами воды. Линдсей увидел, как из густого облака дыма появились два дюжих лакея, которые выволакивали кашлявшего и что-то бессвязно бормотавшего лорда Дарнби из его кабинета.

– О, лорд Реберн, – задыхаясь, окликнула горничная Анаис, увидевшая Линдсея сквозь завесу дыма. – Вы вернулись!

– Где твоя госпожа, Луиза?

– Она оказалась в ловушке там, наверху! Роджер и Уильям пытались отыскать ее, но не могли ничего разглядеть и чуть не задохнулись в этом чаду.

– Присмотри за Дарнби, – велел Линдсей Уоллингфорду, который вместе с ним вбежал в дом. – Отвези его в Эдем-Парк. Встретимся с тобой там.

В этот момент Линдсей заметил, как кровь ручьями стекает по лысеющей голове Дарнби.

– Он ранен, – констатировал Уоллингфорд. – Ему понадобится врач.

– Так разыщи его, парень! – рявкнул Линдсей, срывая с себя пальто. – Я найду Анаис.

– Какого черта тут происходит?

Обернувшись, Линдсей лицом к лицу столкнулся с Броутоном. Последний раз он смотрел в лицо друга, стоя перед ним с парой дуэльных пистолетов в руках.

Броутон вызвал Линдсея на дуэль на следующий день после скандального происшествия с Ребеккой. Целью этого поединка было отнюдь не отмщение за честь Ребекки – или самого Гарретта. Нет, Броутон бросил ему вызов, чтобы защитить Анаис, и Линдсей согласился на дуэль, надеясь вернуть себе хотя бы частичку собственной чести. Только они так и не смогли довести дуэль до конца. Конечно, можно было выпустить друг в друга по пуле, но это никогда не принесло бы удовлетворения, никогда не смогло бы облегчить боль, которую Линдсей принес всем, к кому был искренне привязан.

Дуэль закончилась тем, что оба выстрелили в воздух и разошлись, повернувшись друг к другу спиной.

– Какого дьявола ты здесь делаешь?

Прямо на глазах Линдсея лицо Броутона стало мертвенно-бледным, стоило его неистовому взгляду замеситься между горящей лестницей и нежеланным в доме Дарнби гостем.

– Анаис оказалась в западне наверху. Я собираюсь вытащить ее.

Гарретт гневно сверкнул глазами в сторону Линдсея:

– Тебе ни за что не удастся справиться с такой задачей, поднявшись по лестнице, Реберн. Это опасно. И даже если ты не убьешь сначала самого себя, ты обязательно травмируешь ее по пути назад. Так что единственный путь – попробовать забраться к ней снаружи.

– Нет! – на ходу гаркнул Линдсей, уже несясь к лестнице. – Там по меньшей мере тридцать футов до земли! Она не сможет спуститься из окна с такой высоты.

– Лестница рухнет как раз к тому моменту, как ты найдешь Анаис. Окно станет единственным путем к спасению.

Не обращая внимания на замечание Броутона, Линдсей бросился вверх по лестнице и увидел, что языки пламени, взметнувшись вверх, уже лижут дверь спальни возлюбленной.

– Анаис! – что есть мочи заорал он через сложенные у рта ладони. Но никто не отзывался, слышались лишь треск пожираемой огнем древесины да рев пламени.

Толкнув плечом дверь, Линдсей протиснулся внутрь и понял, что оказался в уборной Анаис. Он побежал к двери, соединявшей уборную со спальней, молясь, чтобы та оказалась незапертой. Увы, Линдсею не повезло. К тому моменту, когда он смог наконец-то высадить дверь плечом, Анаис висела снаружи окна, зацепившись узким рукавом своего муслинового халата за проволочный крючок занавески, с помощью которой пыталась спастись.

– Все в порядке, мой ангел, – поспешил успокоить Линдсей, хотя ужас начал закрадываться в его душу, стоило только увидеть, как тонкая ткань начинает рваться под весом Анаис. Ее пальцы, посиневшие и дрожавшие, явно больше не могли держаться за эту импровизированную веревку из занавесок. Анаис скользнула еще ниже, и ее глаза округлились от страха, как блюдца. В знакомых синих глазах не было и намека на то, что бедняжка узнала своего спасителя, только ужас – Линдсей понял это, когда Анаис безучастно взглянула на него.

– Мой халат... я зацепилась, – с трудом произнесла она, задыхаясь от наполнившего спальню едкого дыма.

– Не смотри вниз, Анаис. Давай подтянись, схватись за мою руку. Верь мне, любовь моя. Я спасу тебя, Анаис. Просто верь мне.

Но Анаис посмотрела вниз, на Гарретта, который стоял под окном, протягивая к ней руки. Линдсей знал, какие мысли металась в ее сознании. Гарретту можно доверять, он поймает ее. Линдсей боялся, что казался Анаис лишь призраком, которого она видела сквозь сгущающийся дым. Недоверие, которое Линдсей видел в глазах любимой, отразившиеся в них боль и страдание заставили его осознать всю глубину раны, которую он нанес. Никогда прежде Анаис не предпочла бы Гарретта ему, но теперь Линдсею было ясно: любимая собиралась вручить свое доверие – точно так же, как и свою жизнь, – простертым в ожидании рукам Гарретта.

– Черт возьми, да схвати же меня за руку! – приказал Линдсей, высунувшись из окна, рукава его рубашки колыхались на ветру. Теперь ужас объял и его. Не было ни малейшего шанса на то, что Броутон может поймать Анаис – с такой-то высоты! Руки Гарретта не смогли бы выдержать ее вес или силу ее падения. Анаис наверняка упала бы и разбилась, а Линдсею была невыносима сама мысль о том, что он станет свидетелем чего-то подобного. – Анаис, подтянись к моей руке. Сделай это, – скомандовал он. – Делай прямо сейчас!

А потом Линдсей заметил, как стремительно рвется тонкая муслиновая манжета. Увидел, как в панике вращаются глаза Анаис, а ее бледные губы приоткрываются, но не могут издать ни звука.

– Нет! – изо всех сил закричал он, бросаясь вперед в отчаянной попытке дотянуться до Анаис. Но несчастная выскользнула из пальцев Линдсея, и ему оставалось лишь со страхом смотреть, как она падает навзничь, простирая к нему руки. Длинные белокурые волосы, выбившись из шпилек, беспорядочно разметались. Имя возлюбленной вырвалось из самой глубины души Линдсея, когда он понял, что его ночной кошмар вдруг стал явью.

Линдсей в бессилии смотрел на Анаис, застыв на месте, а его пристальный взгляд ни на мгновение не отклонялся от взора ее распахнутых в ужасе глаз. Он мог поклясться, что почти слышит, как она говорит: «Ты сделал это со мной, Линдсей. Ты убил меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.